

ИГОРЬ КОЖУХОВ

БРАКОНЬЕРЩИНА

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Игорь Кожухов

Браконьерщина

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)

Кожухов И. А.

Браконьерщина / И. А. Кожухов — «ВЕЧЕ», 2025 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-4430-2

Лихие 90-е. Рукотворное море возле плотины на великой сибирской реке. Сети добытчиков раскинуты в протоках среди малых и больших островов. Сазан, судак, щука... Природа кормит, жажда наживы заглушает страх и совесть. А заработать за день можно столько же, сколько за месяц на фабрике. Но «вода ошибок не прощает, слабых не терпит, жадных не любит», у стихии свои законы, по которым складывается непредсказуемая и опасная жизнь браконьера.

УДК 821.161.1-311.3

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-4430-2

© Кожухов И. А., 2025

© ВЕЧЕ, 2025

Игорь Кожухов

Браконьерщина

© Кожухов И.А., 2025

© ООО «Издательство „Вече“», оформление, 2025

* * *

* * *

Над спокойной, до блеска, водой раздался страшный крик:

«Ю-ро-о-к...» Эхо растянуло звук, метнуло его в спящий остров и, приглушив, погнало дальше. В камышах проснулась тёмная щука, отдыхающая в тине после вечерней охоты. Она недовольно шевельнула плавниками, возвращая тело в удобное положение, прокачала жабрами застоявшуюся воду и снова застыла.

– Ю-ро-о-к... – надорванный голос, захлебнувшись, закашлялся, послышались беспорядочные хлопки, словно кто-то пытался плыть или же отчаянно старался удержаться на поверхности. Со стороны крика в камыш пришли мелкие волны, и сухая трава зашумела громко и неуёмно. В темноте уже не кашляли, а лишь хлюпали заполненными водой ртами, пытаясь поймать ещё глоток воздуха. Вдруг снова, с последним усилием, но совершенно обречённо:

– Су-у-ка-а, – и почти сразу тишина.

Недовольная щука развернулась, стрелой прошла сквозь густые водоросли и в полуметре до дна засквозила от мелкого берега в свою любимую спокойную яму.

Туда же, только с поверхности, опускались два тела в рваных тяжёлых одеждах и болотных сапогах...

* * *

...Я слушал свою жену. Вчера была пятница, мы с пацанами посидели после работы полчаса, и в принципе всё было хорошо. Но она думала по-другому – почти бегала по квартире и сквозь слёзы кричала:

– У всех жизнь, радость какая-то, новые вещи, в квартире чистота. Мы же словно в тюрьме, живём в этой темноте, ремонта никакого, денег нисколько, пьёшь постоянно...

– Я пью? Да ты пьющих не видела. А денег лишь столько получаю, так воровать, прости, не могу, не научен...

– А вот и зря, учись. Или ещё куда устраивайся, крутись. Больше не могу терпеть, всё впритык, одеть нечего. Ладно я. А ребёнок вон в чужом, за кем-то донашивает. Давай думай, если ничего не изменится – разводимся! Лучше одной тянуть, чем так жить. Ты же к мамке возвращайся, мамка и накормит, и напоит. – Она, схватив сумку, выскочила, громко хлопнув дверью.

Тишина зазвенела в ушах...

...Год назад мы, продав дом в деревне, приехали жить в город. С квартирой повезло – на деньги от продажи дома купили двухкомнатную! Правда, первый этаж и дом старый, и ещё много всего, но жена радовалась: наконец вырвались из того болота, что называлось родной деревней. Там же, в этом родном болоте, остались старые родители, друзья и та жизнь, к которой привык, прикипел всей своей натурой. В эту, другую, жизнь втянуться не мог. Устроился

на работу, но не умел, а потом и не любил то, что делал. Вечерами, словно волк в клетке, метался по квартире, гулял с сыном в маленьком, заставленном мусорными баками дворе и мучился, видя за редкими тополями вместо тянущихся до горизонта разорванных шторками островов серые пятиэтажки.

Постоянная погоня за пресловутой удачей, конечно, почти не оставляла времени на осмысление происходящего, а претензии жены звучали всё злее и чаще, причём список их становился всё длиннее... Оказывается, у её подруг «мужья умные, хваткие, ловкие и предприимчивые». И жизненные перспективы за такими мужиками – радужные!

А я? И я всё чаще стал задумываться, кто же действительно я, для своей жены и вообще...

Словно опомнившись, скидал в выдавшую виды сумку какие-то шмотки и поехал на автовокзал. Для меня всегда решение проблемы начиналось с посещения дома. И сейчас только там я надеялся найти выход.

* * *

Валерка, размахивая руками, кружил по комнатам, я, наоборот, в полудрёме сидел в промятой яме старого дивана.

– Ты смотри, если ещё умеешь в нужную сторону смотреть. В стране все понятия по швам трещат. Ещё месяц-два, и вообще власти не будет. Я это позвоночником чувствую.

Он подскочил к столу, налил в рюмки, немедля запрокинув голову, выпил и опять, сорвавшись на ход, продолжал:

– А власти нет – кого бояться? Мы сами себе хозяева будем, понял? Главное, сразу своё определим и всем покажем, кто не поверит – докажем. Конечно, нужно будет с кем-то лбами постучаться, с кем-то рюмку выпить. – Он взял бутылку и, для чего-то внимательно осмотрев этикетку, долил себе.

– Без этого нельзя, никак нельзя.

Теперь, подвинув стул, сел и, покачиваясь на ножках, убедительно закончил:

– Сети есть, потом надо будет докупить, прямо побольше. Лодка какая-никакая на первое время – тоже. К тому же скоро зима, лёд, немного проще. Главное, скажи, согласен – нет? А то, поди, сжился с пыльной городской ленью, руками шевелить не хочешь... Что?

– Согласен, согласен... – Я подтянулся к рюмке, и, чокнувшись, мы выпили за начало новой – незнакомо-рисковой, но заманчивой перспективы!..

Назавтра по телевизору показывали огромные танки, ползущие, словно по достоверно выстроенному городскому полигону, но по Москве. Толпы людей рвущимися волнами перетекали через площади, разбивались о стены домов и заполняли дороги, топя своими телами машины. А когда кадр выхватил большой Дом правительства с вывернутыми, дымящимися глазницами окон, мне стало понятно, что власть, которой Валерка давал два месяца, кончилась...

В России началось другое, непонятное и страшное от непонимания этого время. Но только такую мелочь – жизнь, как ни крути, всё равно никто не отменил...

* * *

6 октября мы первый раз, вернее я, Валерка этим жил, выставили сети...

Вообще сеть – это невысокий, обычно от полутора до трёх метров кусок дели, насаженный на шнур с поплавками сверху и грузами внизу. Дель же – это вязанное промышленным способом высокое сетевое полотно, от которого уже рыбаки сами отрезают куски на сети желаемой высоты. Но на большие глубины стандартные сети ставить невыгодно, ведь рыба, меняя высоту прохода, «перепрыгивает» через сеть. Поэтому для глубины стали готовить сети в пол-

ную высоту дели – по шесть, а иногда и по двенадцать метров. Эта хитрость позволяет, не увеличивая длину ставки, даже для отчёта по законной рыбалке с разрешением, облавливать в разы большие объёмы водной территории... Поэтому у нас сеть – это рыбацкая снасть до трёх, а дель – то же самое, но высотой до двенадцати метров.

Ставка раньше, в семидесятые годы, считалась двадцать пять метров длиной. Сейчас короче ста метров сетей нет, значит, обычно ставка зимой – это двести метров сетей, по сто с двух сторон от майны. Парадокс, но летом можешь вязать хоть пять сетей, хоть десять – в разговоре это «ставка».

– Я парочку ставок кинул, по километру... На больше времени не хватает, работать же ещё надо.

...Болтаясь на его «утлом судёнышке», растянули, по три метра высотой, триста метров длины сетей.

– Если ты везучий – завтра стрельнёт! Я эти сети в прошлом году насаживал и всё лето осени ждал. Думаю, судака черпанём. Ячея – на полста пять, леска двадцать два – паутинка! – Валерка, залезая по локоть в воду, выбрасывал из больших хозяйственных ванн сложенные там аккуратно сети. Я, как умел (неуклюже), оттягивался по ветру, придерживая лодку вёслами, не давая ей разогнаться и закрутиться. Сухая высокая сеть сразу не тонула, а вытягивалась ровной лохматой полосой, пугая меня длиной. Если бы я знал, что уже очень скоро выставить триста метров сетей будет детской шуткой, развлечением...

Выкинув из последней ванны, Валерка привязал на длинную верёвку груз и, оттянувшись, бросил его за борт на несколько метров.

– Ловись, рыбка, большая и ещё больше. – Он дурашливо поплевал в разные стороны, составил ванны одна в другую, завёл мотор и, не торопясь и рисуясь передо мной уверенностью, закурив, включил скорость.

На берегу, пока вытаскивали лодку, объяснял:

– Вода холодная и сети высокие – хорошо. На проверку пойдём через сутки, часов в пять вечера. Завтра приходи, наберём следующие, на замену. Чтобы после снятия работающих простоя не было. Сменку в другом месте поставим, а как немного стемнеет, мы тогда эти, сегодняшние, снимем. Вот и получится, что прогулов у нас не будет, понял, студент?!

Я ещё мало что понимал, но желание заработать заглушало и неуверенность, и страх, и где-то даже совесть. Сегодня я стал официально браконьером.

Ночью не спалось. Я вышел из дома, стараясь не разбудить родителей, которые всегда к осени «сходились» в одной комнате. Здесь любящий тепло батя самолично сделал небольшую печь, и морозными зимними ночами, а иногда и осенью они с матерью наслаждались её добрыми, уютными песнями.

Сюда же мать каждую осень перетаскивала фотографии моих старших сестры и брата. Для каждой рамки был свой гвоздь, и они, загнанные в стену давно, торчали недалеко друг от друга, почти потерявшие форму, толсто забеленные. Фото сестры, уехавшей за военным мужем двадцать лет назад, висело слева над печатным ковром с оленем, а брата, подавшегося за большой деньгой на север двенадцать лет тому, справа. В кухне оставались ещё фото детей сестры, но их домой не переносили, потому что ни разу воочию ребятишек не видели и, наверное, не чувствовали тяги. При мне родители о старших вспоминали очень редко, чаще именно тогда, когда от кого-то из них приходили письма. Я сам сестру помнил совсем смутно, брата – чётче. Но только потому, что уже семнадцатилетним парнем он учил меня, салагу, жить по-«папански». При этом брат, как взрослый закурив папиросу, обычно «Север» или «Прибой», убеждал меня, что курить нельзя и если вдруг «засекёт» – набьёт морду. Я ему верил, и курить действительно не научился. Хотя иногда «за компанию» закуриваю, но лишь для того, чтобы ещё раз убедиться, как это гадко! Вообще, мы ждали их в гости постоянно, хотя об этом вслух не разговаривали, суеверно боясь сглазить.

...На улице после дневного ветра установилась полнейшая тишина. Перейдя от двора через дорогу, остановился на взгорье. Метрах в двухстах внизу, словно тусклое старое зеркало, на боку лежало водохранилище. От самого берега его пересекала жёлтая дорожка отражения луны и вдалеке, перескочив через полосу острова, сливалась с самой луной. Я залюбовался знакомым с детства хрупким покоем, совсем не наигранным, не придуманным, первобытно восторженным и волнующим. Две энергии – воды и земли – образовали здесь шаткий баланс, готовый в любой момент склониться на одну из сторон.

И вдруг откуда-то с непросматриваемой стороны воды страшный, явно предсмертный глухой крик: «Ю-ро-о-к», а затем эхом по берегам: «ок-ок-ок». Дрожь пошла по телу, и я, не понимая, что это, приподнялся на носочках и, уставившись в темноту, снова услышал: «су-к-а-а-а»...

Пытаясь понять, что это, побежал, слепо попадая ногами в ямы, а упав, с неожиданным облегчением прижался к земле прислушиваясь. Кругом было тихо и холодно. Может, показало?

* * *

Деревня наша образовалась в 1953 году, когда на пути великой сибирской реки встала плотина ГЭС. Мои родители перебрались сюда в начале шестидесятых, откуда-то из-под Краснодара, с двумя детьми: помощницей, уже сформировавшейся девчонкой и грудным мальчишкой. С помощью совхоза они, сами строители, с такой же семьёй переселенцев построили добротный двухквартирный дом, где в правой половине от моря и поселились! Я появился вскоре после новоселья, в новой, рубленной опять же отцом, бане, на шлифованном матерью и сестрой осиновом полке. А поскольку второй в моей жизни стихией, по пониманию, после земли была вода – всё, что происходило на ней и с ней, было для меня близко и понятно.

Сначала, после заполнения водохранилища, островов как таковых не было, а была огромная часть суши, замершая от нашей деревни через километровый образованный канал. Но сильные западные ветры, сдружившись с водой и получив возможность беспрепятственно разгоняться с фарватера, стали безжалостно рвать появившиеся на пути препятствия. Отпущенная человеком стихия, неудержимая и неконтролируемая, взялась за дело!

Первые годы каждую весну, пытаясь не допустить подтопления тающими в горах Алтая снегами, страхуясь, на ГЭС сбрасывали большой уровень воды. Мы, совсем салаги, перебравшись на «старую сторону» кто как мог, но обычно со старшими братьями, бегали по огромным, открывшимся, как в сказке, полям. Было очень интересно лазать по вынырнувшим из воды длинным деревенским улицам, состоявшим сейчас лишь из добротных каменных и кирпичных фундаментов, набирать в карманы разные вымытые отливом безделушки, часто находя даже старинные монеты. Нам было весело и радостно, потому были непонятны многие, приходящие сюда после нас, взрослые. Они большей частью плакали, заходя в обозначенные квадраты домов, всё время крестились, у кого-то вслух просили прощения...

Но больше всего, особенно в первые годы, пока перемещающееся от течений дно совсем не замыло его, собиралось людей на оставленном воде кладбище. Погост изначально находился в старом сосновом бору на взгорье, в километре от самой деревни, растянувшейся ниже по краю леса. Огромные сосны между могилами были спилены, и тяжёлые низкие пни держались из последних сил за родину, воткнув корни глубоко в землю. Между этими пнями чётко просматривались квадраты могил, оставленные на этом кладбище, а значит, совсем старые. И ещё были нетронутыми могилы, погребённые в которых на тот момент не имели родственников в деревне. Но старухи и деды, перевезённые к кладбищу с разрешения председателя на лодках, ориентировались тут, как у себя во дворе, досконально помня всех!

Старая Степанида Никитична ходила среди могил и, тыкая высокой, словно архиерейский посох, клюкой в очередной квадратный силуэт, нараспев говорила.

– Ульян Гниловский, с начала двадцатого лежит, в бане угорел, молодой совсем, здоровый... Павло Овчаров, издали к нашей деревне прибился. Только жить начал, власть дом строить разрешила, так на заготовке брёвен для дома в бору сосной и задавило, один был, долго придавленный маялся, губы от боли пообгрыз... а может, и мыши – два дня лежал, пока спохватились...

Она с сомнением останавливалась и, достав из кармана кусок сладкого позавчерашнего пирога, крошила его на могилу известного лишь ей Павла, на секунды задержавшись в том времени. Мы стояли тихо и ждали продолжения, заворожённые складностью рассказа, почти не веря, что речь идёт о настоящей, только давно прошедшей жизни. И что под этим квадратом человек, который ходил по той же земле, что теперь и мы, который так же играл в войнушку, воровал ранетки у жадины-пасечника и был для «порядку» порот лёгким тряпочным ремнём дома батей – он был! По крайней мере, так вещает об этом самая старая в деревне. А как там на самом деле, кто знает?..

...Вечером нас за несколько ходок перевозили на родную сторону, и мы помогали старухам «доползать» по липнувшему к ногам суглинку дна водохранилища до твёрдого берега. Потом моментально убегали в открытую «всем народам», без единого ещё забора деревню, скидывая с себя грустный груз прошлого. Жизнь впереди!..

...Через какое-то время вода всё же разорвала лохматую лесами горбатую сушу, словно первобытную Пандею мировой Океан, на несколько кусков. Разделение новообразованной земли на части по незащищённым лесами логам произошло быстро, буквально за несколько осенних ветреных сезонов. А вот в борьбе с заросшими буйной растительностью островами стихия замешкалась, позволив какое-то время поприсутствовать на них человеку. И человек, возомнив себя хозяином положения, кинулся доказывать свою самостоятельность...

Сначала на самый большой по площади остров стали завозить скот на летний выгон. Это было удобно, ведь окружённые водой животные были словно в загоне. Но в первую же осень, при перевозке домой, с груженой баржи сильной волной смыло тридцать коров. Спасти их не смогли, и почти всю зиму туши, вмёрзшие в лёд, выдалбливали и уволакивали в выгребные ямы. Затею бросили, «виновных» посадили, остров остался – «Коровий».

В другой стороне от деревни клочок новообразованной суши облюбовали военные начальники! За несколько лет силами солдат там был построен мини-военный городок, похожий больше на курорт, со всеми условиями отдыха для начальства... Но, словно по трагической закономерности, из четырёх «служивших» там солдат-срочников трое утонули. Они, устав от безделья, кинули жребий и, одного оставив на «службе», пошли на лодке в октябре в деревню на танцы. И их так же, как раньше коров, через несколько дней шторма, утонувших, отдирали от настывших стеклянным льдом заберегов. Не разбираясь, кто виноват, базу срочно бросили, солдат списали как «погибших при исполнении»... Остров остался – «Солдатский».

«Могильный» – получил название из-за старого кладбища, появляющегося каждую весну на его левой, подветренной, стороне.

«Чаиный» – из-за обилия гнёзд чаек, почему-то облюбовавших именно этот небольшой, спрятанный в высоких камышах, островок.

«Комариный» – понятно почему, хотя комаров на всех островах – тучи.

Есть тут даже свой «Шанхай», и, как на знаменитом побратиме, здесь всегда шумно от многочисленных отдыхающих. Но поскольку нет постоянных многолетних баз, на этом клочке суши – непрекращающийся бардак!

Всего восемь достойных островов и ещё несколько клочков, которые сегодня зовутся так, а завтра – по-другому.

Пойма же – это отгороженная от фарватера островами часть водной поверхности до деревни, с вынужденно отсутствующим здесь течением. Постепенно пойма увеличивается из-за смыва берега и частично островов.

* * *

Валерка с вечера заклеил проткнутый где-то сапог и сейчас испытывал качество работы, макая его, надев на руку, в ведро с водой. Работа была важная, ведь если летом мокрые ноги не так страшно, осенью – некомфортно и чревато простудой. Сейчас результат его устроил, и он, показав мне большим пальцем – «отлично», ошарашил новостью.

– Вчера Юрка Смородин с Серёгой Ордынским пропали. Брат Юркин прибежал, просит помочь поискать. Он сам по берегу на велосипеде, мы с тобой по островам проскочим, а...

Я перебил его.

– Я ночью вышел на берег и слева, откуда-то из-под «Коровьего», крик слышал. Знаешь, такой жуткий, будто последний. Только эхо прошло, ещё раз короче и вроде конец?

– Вот это, наверное, они и были. Валька говорил: пьяные намылились порыбачить, деньги сбить халявных. Видать, дорыбачились.

Мы быстро собрались и через час уже обходили на тихом ходе мотора отмели и камышовые поля, раскинувшиеся вокруг каждого из восьми островов нашей поймы. На самом западном от деревни вышли на необжитую стоянку. Но, кроме свежего костровища и мусора, ничего не было. Такую же нашли, когда уже возвращались домой, на «Могильном». Вот здесь были спрятаны готовые к установке сети, мешки и куски палатки, на которых перебирали рыбу.

– Это их стоянка. – Валерка уверенно обводил рукой. – Они взяли половину сетей и потянули по косе к берегу. Знали, что в это время здесь судак крутится. Только вот что дальше и где лодка – она же не могла утонуть.

Но, пройдя от острова до линии предполагаемой установки сетей, мы ничего не увидели.

– Давай на берег. – Валерка сам был на румпеле. – Ещё сети накидывать, нам выставиться в любом случае надо.

Новую ставку мы протянули так, что её конец был примерно у начала ставки работающей. Манёвр, контролируемый Валеркой, удался, и уже через несколько минут он, довольный, подтягивал отработавшую сеть к борту. Стало уже достаточно темно, но вблизи, а я правил вёслами, всё было хорошо видно. Сначала показалось, что рыбы немного, и «главный» засомневался:

– Слышь, может, давай пройдем по ней, рыбу повытаскиваем, а сеть оставим. Что-то, по моему, мало...

Но, поднимая сети, мы поняли, что рыба есть, только ближе ко дну. Поэтому, протянувшись до конца, подняли груз и начали собирать дель вместе с рыбой в ванны. Судака было много! Тускло-блестящие, длинными, тяжёлыми брусками они падали в ванну, глухо начинали биться, но вскоре затихали, задавленные такими же следующими. Трёх ванн не хватило, и мы продолжали выбирать сеть уже просто в лодку. Я смотрел на выныривающих из воды рыб, глухо стучащих о дно и борта, но не мог избавиться от мысли, что жду со страхом, как сеть поднимет из воды Юрка или Серёгу. И, словно угадав мои мысли, прерывающимся от усталости голосом заговорил и Валерка:

– Тихая осень нонче... А течения здесь, в пойме, нет. Поэтому их никуда отсюда не утянет, если, конечно, шторма не будет. А всплыть не успеют, скорее всего. Вода уже холодная и ещё больше остывает. Время к зиме всё же.

Он с пугающей будничностью, с явным знанием дела говорил о погибших. Во мне это вызывало протест, хотя, скорее всего, дело обстояло именно так.

Валерка вдруг приостановился и, подработав сетевое полотно, резко закинул в лодку здоровую, килограммов на восемь – десять, щуку, с радостью в голосе отметив: «И такие бывают», монотонно продолжал объяснять.

– Летом гораздо быстрее это происходит, в тёплой воде. Если они всё же там, – он указал рукой в воду, – поднимет их уже под лёд, в который они встынут до тепла. А весной всё замороженное в лёд первым вытаскивает. Только лишь бы сильно не опоздать: ворон, сорок и всякую дичь, которым в радость сладкая человечина, никто не отменял! Хотя ещё, возможно, родные тралы вызовут, те ползают, бывает, поднимают...

Наконец сеть закончилась. В лодке шевелилась, била хвостами, шлёпала жабрами огромная гора рыбы.

– Килограммов двести на вскидку, двести пятьдесят... Вот тебе и начало положено. Везёт тебе, студент!

Он развалил гору рыбы по лодке, убрав крен одной стороны, подкачав бензин, запустил мотор и, неторопливо закурив, включил скорость.

В этот первый для меня раз, мы взяли двести килограммов судака! Сдав его на следующий день и получив за одну рыбалку денег, как за месяц работы на «хозяина», я теперь уже точно решил – моё!

Назавтра Валерка прибежал с утра и, пока я собирался, объяснял мне и сидевшему на кухне батю:

– Родня Серёги вызвала тралы. Он, оказывается, на них работал, начальство пошло навстречу. Нам надо кровь из носа сети снять. Они всю пойму тралить будут...

Часа за два сняв сети, мы ушли на остров и, выбирая рыбу, наблюдали, как довольно большие катера, нами называемые «сотки», распустив трал, медленно, «дорожками» ползали по пойме. На пятом проходе катера, застопорившись, сошлись и подтянули баркас. Не вытерпев, мы, отложив работу, причалили к катерам. Рыбаки, не удивляясь и не отгоняя нас, громко объясняли ситуацию:

– Не могло их за два дня при такой тишине далеко унести. Они или в камышах, где нырнули, либо, наоборот, в какой ямке узкой лежат. Трал мог выше пройти...

Рыбаки в баркасе собрали по ящикам попутную рыбу, и тралы, разойдясь, продолжили свою вынужденную трагическую рыбалку. На следующий день тралы ни с чем ушли...

В этом памятном, сломавшем хребет Союзу году, морозы пришли рано. В последних числах октября пойму за ночь затянуло стеклом. Нетерпеливые мужики, «на риск», через день повыползав на мелководье, «на крепость» кололи лёд лёгкими пешнями, и уже первого ноября самые лихие пробовали зимние снасти. Мы же, приготовив сети и прочие приспособления для их установки под лёд, пока ждали.

Брат утонувшего Юрки беспрерывно бродил недалеко от берега, просматривая через тонкий ещё лёд неуютное дно. Иногда подходил к рыбакам, торопливо закуривал и говорил, будто извинялся:

– Ищу его, а он, можа, где бухает. Их же с Серёгой покой не брал, когда «синьки» наедались. Вот и тот раз могли вместо рыбалки где-нибудь на пьянку залечь. Ведь если вместе утонули, где тогда они – всю пойму до льда протралили вдоль и поперёк.

Было видно, что он сам не верил в то, о чём говорил, но слова давали, пусть эфемерную, мизерную, но надежду. Докурив, парень, согнувшись надо льдом, уходил, а мужики почему-то виновато молчали.

* * *

Не спрашивающий меня ни о чём отец наконец заговорил:

– Это значит, любовь прошла? Как, скажи, дальше собираешься жить? И пацан там остался, теперь совсем безотцовщина, так, что ли?

Меня самого мучил этот вопрос. Но сейчас отнекивался, налегая на денежную проблему. Отец, внимательно наблюдая за моими метаниями по кухне, слушал, задумчиво передвигая по столу пустой стакан. Когда я, истратив словарный запас, остановился, понимая, что ничего внятного не сказал, он подытожил:

– Значит, денег собьёшь и вернёшься? Ты думаешь, что рыбалкой проще заработать, чем другим делом? А я вот так не считаю. Но даже если пойдёт у вас, уверен, что тебя ждать будут дома? Я про бабу твою сейчас... Ведь, добрав одно, другое совсем потерять можешь...

Не дождавшись от меня ответа, он поднялся.

– К празднику быка надо резать. Я, конечно, и один могу, но раз уж ты тут, давай седьмого с утра быстро справим дело. А потом уж на сытый желудок занимайся этим своим, – он сморщился, вспоминая новое слово, – бизнесом?!

...С одной стороны, рыбачить зимой проще, чем летом. Определился с местом, замерил глубины – и крути по льду дыры, гони прогоны под удобный метраж между майнами. А там уж жди удачи, таскай сеть туда-сюда хоть раз в неделю, хоть два, хоть три... Попал на ход или угодил на косу, где нынче мелочь играет, – будешь с рыбой!..

Но рыбные места обычно знают все, кто более-менее «в теме». Поэтому заинтересованные – от старательных «червячников» с запасами мормыша, мотыля; отчаянных «металлистов», практикующих лов на железные блёсны и до именно хищников-браконьеров – крутятся всегда в одном, уловистом в этом году месте. И если удочники более терпимы друг к другу, втайне презрительно посмеиваясь над чужими привычками в рыбалке, браконьеры всегда в конфликте.

Не успели мы «приметиться», промерив удочкой с тяжёлой блесной глубины предполагаемых ставок, как от берега к нам двинулся человек. Метров за пятьсот Валерка узнал идущего.

– Серник Виталя прёт, раскрылатился. Второй год как на базе работает, а нос везде засунул – моё!

Через пять минут тот подлетел, раскрасневшийся от быстрой скользящей ходьбы по гладкому льду.

– Парни, вы что тут метите. – Он рывком расстегнул куртку, паря всем телом. – Знаете же, что тут моё место? Я какой год здесь с осени выставляюсь, по бумагам работаю! – Он остановился, окончательно снял и бросил на лёд куртку.

– Мы тоже. Тоже здесь ставим, видишь? И ещё здесь живём, всю жизнь. – Валерка опёрся на пешню. Я невольно подшагнул к нему, показывая, что мы действительно тоже тут ставим... и живём!

Серник некрасиво заулыбался, широко разводя руками, словно с одолжением, продолжал:

– Давайте без войны, мужики, с пониманием. Вы местные, и я тут существовать намерен. Только пока с техникой совсем плохо, далеко ходить не могу. Вправо полоску не закрывайте, метров пятьсот: завтра выйду прогоны готовить, дырки набуривать, договорились?

Теперь Валерка, перехватив инициативу и, словно он хозяин, снисходительно согласился:

– Договорились. Мы всё равно в пойме на время, пока большая вода не встанет. Потом снимемся, дальше уйдём...

– А вот и хорошо! Я тут поработаю, по-простому. Маленькая курочка по-мелкому клюёт. – Он, натянуто смеясь, погрозил пальцем: – Но весь двор удобряет!.. Хорошо, пацаны, что понимаем друг друга – оно ведь так, мутно всё в жизни сейчас. Сегодня вы местные, завтра мы... И кто, в конце концов... – Он, не договорив, поднял куртку и уверенно заскользил на валенках в сторону берега.

– Маленькая кура двор не удобряет, она его лишь загаживает. – Валерка, улыбнувшись, уверенно и быстро начал набуривать лунки.

* * *

Бык, почуяв свободу, резво заскакал от открытого мной сарая, игриво закидывая голову с привязанной к рогам длинной верёвкой. Всё бы ничего, но другой конец верёвки, по им же разработанному плану, держал батя!. Когда «разрабатывали» диспозицию, он как хозяин быка взял на себя две главные задачи, которые объяснял основательно, словно забыв, что ещё полтора года назад я сам держал скот.

– Когда выведу, он пройдётся по ограде, обдышится и наверняка – к тазу с комбикормом. Я быстро привяжу его к столбу и садану кувалдой по лбу. Вот как он на колени упадёт, оглоушенный, ты ему горло и перехватывай. Делов на две минуты.

Спорить и «переписывать» план не допускалось ни в каком пункте. Мне был вручён острый самодельный нож, похожий на маленькую саблю, и тряпичная перчатка, «чтобы не скользило».

Бык, раздражённый лаем пёсика Джека, закрытого на «всякий случай» в конуре, возбуждённый свободой и ослепший от света после тёмного сарая, совершенно не хотел любимого комбикорма. Будто танк, он уверенно пёр по огороду, волоча за собой упирающегося обеими ногами неинтересного ему сейчас хозяина. Протащив человека, заискивающе называющего его «Боря, Боря», вокруг по огороду, бык всё же наткнулся на таз с мукой и, забыв враз всё, встал над ним.

Батя быстро, без слабины, подмотнул верёвку на столб и схватил кувалду. Но, заранее не кормленное животное, жадно поглощая угощение, нетерпеливо перетаптывалось и, качаясь всем телом, мешало ему приметиться. Наконец отец, понимая, что затягивает дело, встряхнувшись, подкинул с плеча кувалду и, ловко подшагнув, с оттягом ударил быка за рога, в место, где затылок уходит в шею, как говорят мужики, в «лён». Животное, словно ему подрубили передние ноги, ткнувшись мордой в таз, завалилось набок, натянув шею. Я, подойдя с головы, легко, словно колбасу, от самого позвонка разрезал быку горло.

– Комарик укусил. – Батя ловко подставил таз с мукой под бьющую фонтаном кровь. – Курам вкусенького, они довольны будут...

Вдруг из будки вырвался Джек и кинулся к конвульсирующей туше. В эту секунду бык в агонии лягнул задними ногами, и пёс, получивший жесточайший удар, пролетев с визгом несколько метров, затих у бани. Батя, торопливо закурив окровавленными руками, заметно волнуясь, предположил, показывая на собаку:

– Жизнь прожил, а ума не накопил... Или случай-судьба так играет? – Он с явным сожалением трогал мягкое ещё тельце Джека. – Вот беда. Они ведь всю общую жизнь здесь друг с другом воевали и, вишь, враз... Ты матери пока не говори, любит она его... любила.

Отец, уже решительно, перенёс пса за баню, прикрыл соломой и закончил:

– Хорош слюни пускать. Ускоряемся. Скоро мать за свежениной выйдет, а мы ещё не начинали...

Вечером на «свеженину» зашёл сосед. Он, игнорируя постоянно подогреваемую на газовой печи говядину, выпил две рюмки водки и, узнав, что я решил рыбачить, включился.

– Дело, конечно, прибыльное, но тяжёлое, мокрое и, – он, понизив голос, пригнувшись к столу, попыток, убедительно ткнув сухим кулаком в ладонь, – опасное! Вода, она ошибок не прощает, слабых не терпит, жадных не любит. Всё, с чем раньше жил, радуясь, теперь сразу против, наоборот мешать будет. И не вздумай эту стихию под себя подстраивать: сам научись с ней, а лучше в ней, жить! Получится – повезло, не сумеешь, опять повезло – на земле уютней. Я вот воде не доверяю и ни в жисть не доверюсь...

Они с батей ещё выпили по рюмке, и сосед ушёл, так и не отведав стынущей свеженины!

* * *

Наконец решились выйти на фарватер.

– Рыбнадзоры тоже жили не шибко на работе рвут и рисковать подавно не будут. – Валерка жарил картошку и объяснял планы на завтра. – Они летом по тёплой воде дни и ночи катались, рыбалили, удочников шугали. Кто скажет, что не работали?! Отгулов себе до нового года набрали... И хотя в декабре всё равно полезут, сейчас, думаю, бояться нечего: дома они баб ласкают, пиво хлебают, жирок копят!

Он, призывая меня, поднял налитую до краёв рюмку, но, увидев отказ, не останавливаясь, заглотив водку, удовлетворённо выдохнул:

– Молодец!

Я видел и понимал, что он стал много, почти постоянно пить. Но, пока это не мешало делу, упрекать или начинать об этом разговор не хотелось: наверное, знает, что делает.

– Значит, завтра идём на целый день. Чё-нибудь пожрать с собой возьми, шибко не одевайся, пёхом жарко будет. По пути на острове норило срубим, метров десять-двенадцать. Мы эти две майны (четыреста метров) за полдня влепим. Послезавтра ещё столько же. В четверг опять так же, и проверяем, что первое поставили. Вот там посмотрим: или ещё затягиваем, или хватит, по рыбе... понял?

В четверг мы выдвинулись уже на технике. Мотороллер «Муравей» с небольшими техническими изменениями, позволявшими прилепить к нему, опять же самодельные колёса на баллонах от грузовых машин. Техника была достаточно грозная, но из-за маломощного мотора неэффективная, и я об этом скоро узнал.

Выставив последние, по плану, сети, мы приехали на первую ставку. Снега не было совсем, и море (водохранилище) просматривалось от берега до берега. И оказалось, что таких, как мы, лихих рыбаков много, если не сказать очень много. Нас, конечно, тоже видели, но, соблюдая негласный паритет, на расстояние узнаваемости не подходили, хотя наверняка знали, кто мы и что мы...

Метки «заморожок» были видны на гладком льду издали, и мы не блудили. Но Валерка вдруг захихикал.

– Плохо. При таких морозах лёд скоро окрепнет, а снега нет. Вот припрут неожиданно эти гопники законные, будет им тут счастья и удачи – всё на виду. Хоть бы снега немного выпало, что уж совсем так...

Рыбы было очень хорошо, даже лучше, чем хорошо. Чтобы не разбирать сеть дважды, мы раскладывали её сразу после выбора рыбы. Получалось, что сначала примерно два метра сети освобождали от улова, затем снова мочили в майне и только тогда, вытаскивая, складывали её ровной горкой, готовой к обратной установке. Я испытывал непонятное ещё для себя состояние, похожее на азарт вполонину со страхом. Вроде и здорово – прибыль! А параллельно – не проходящее ожидание возможного серьёзного наказания. И Валерка, вначале неподдельно весёлый, ближе к завершению работы, оглядываясь на подстывающую кучу рыбы, заметно психовал.

– Долго, падла... Торчим тут, как в заде дырочка. Нас можно вон с острова в бинокль наблюдать, не мешая работать, а как собираться начнём – брать за жабры... – Он выматерился и, достав из бардачка бутылку водки, спрятанную в меховую верхонку, сделал долгий сосущий глоток. – Холодная, зараза, – и, засунув её обратно, снова пришёл к майне.

К пяти часам мы закончили. Как-то прятать метки не было смысла, без снега они торчали на виду. Подстывший рубленый лёд из майны я на брезентовом плаще уволок метров за сто и рассыпал. Можно было ехать. Но оказалось, что «макарашка» загружена до предела. Если

же садился ещё я, рессоры, не рассчитанные на такой груз, приседали, и кузовом прижимало колёса. Недолго думая, Валерка решил:

– Давай бегом. Я поеду не быстро, держись за кузов и... вперёд.

Метров пятьсот я бежал нормально, потом, как всякий не занимающийся такой ерундой, как спорт, стал задыхаться. Понимая, что отпускаться нельзя, начал по несколько секунд скользить на валенках, зацепившись за прицеп, сожалея, что не окунул пимы в майну. На стывших можно бы ехать совершенно спокойно – как на коньках. Но постепенно обувь раскаталась, и я уже легко скользил за техникой. За всю дорогу до острова напарник не повернулся ко мне ни разу: «Вот жлоб, – думал я, задыхаясь холодным воздухом, – если оторвусь, придётся пёхом до деревни, не обернётся?!»

Но Валерка завернул в ледяной заливчик, за остров, и остановился.

– Ну как, спринтер, нормально? Так ещё полбеды, только что задохнулся. А я вот предыдущие года на санках улов таскал. Сколотил длинный, словно гроб, короб, на лыжи поставил. Наловишь килограммов сто – сто двадцать, впрягаешься, как конь в хомут, – и попёр. По льду красота, легко! А вот если снег – просто испытание какое. Иногда уже на карачках ползёшь, лишь бы до деревни дотянуть. Там можно закопать в сугроб под берег и домой – спать, спать... ни мыслей, ни желаний – автопилот! – Он с удовольствием сделал несколько маленьких глотков «из рукавицы». – Тебе не предлагаю, ещё далеко бежать.

Спрятав бутылку, завёл технику, сел спиной ко мне, как летом за румпелем мотора, закурил и, не предупредив, резко тронулся. Я, мелко семена по скользкому льду, догнал его, зацепился за борт и уже на ходу надевал варежки.

* * *

Вообще, браконьерили очень многие. Но, словно соблюдая тайный заговор, даже встречаясь, говорили об этом мало и, если говорили, то вскользь.

– Ну чё, на лужу выходил, проверялся?

«Оппонент», понимая, что скрыть своё присутствие на воде не получилось, отбивается.

– Да разве это проверялся? Мучился... На коряжник залез, всё изодрал, а рыбы на жарёху не набрал. – И горе-рыбак начинал красочно описывать трудности браконьерской рыбалки. Собеседник подхватывает, и вот они уже наперебой друг другу «портят кровь» предположениями о «безрыбьем годе», слухами о скором появлении рыбнадзора и удивительными фактами о рыбалке в «те ранешние годы»! Потом, довольные расходились, уверенные, что узнали о противнике всё, сумев сохранить свои тайны неприкосновенными.

В эту зиму нам с Валерой повезло. Поставив сети в трёх разных местах и на разных глубинах, мы угадали. Если сегодня рыбы не было на перекате, она обязательно была на глубине. Не было на глубине – точно была на мели, причём в большом количестве. И опять же, проверяясь обычно потемну, мы долгое время оставались недоступны для инспекторов. В те «шалные» годы они ещё не очень были настроены работать по ночам.

Два-три раза в месяц, обычно в выходные, я ездил в город. Ходили с сыном в открывшиеся кругом кино-залы, смотрели яркие американские мультфильмы и «мужественные боевики».

Жена молчала, без меня ей было гораздо уютнее, чем без денег. Избежав дополнительных разговоров, мы приняли правила игры: я приносил деньги – она занималась сыном, молчала и... жила!

Валерка стал совсем много пить. Везение и моё присутствие резко снизили его личную ответственность за дело. На меня была сложена большая доля забот, которые раньше он выполнял сам. Появилось свободное время, деньги были всегда, а тормозов, сдержавших бы эту страсть, не было. Он, конечно, немного смущался меня, но решил просто не показывать этой

слабости. Например, набираем сети в гараже, пойдёт домой, вроде в печь дров подбросить, приходит – глаза блестят. Бодро хлопнет в ладоши, закурит, и дальше работаем. Так целый день в одной поре. А уж на лёд идёт, тут теперь не прячься, «ноль пять» надо.

Домой возвращались поздно или, наоборот, рано. Разбирали рыбу «по мастям», складывали инструменты, топили печь в гаражной пристройке, сушили верхнюю одежду. Дальше – как по расписанию, соглашался я или нет.

– Ну, давай на сон грядущий по чуть-чуть...

Следующая смена начиналась с того же. Сам я с непривычки к такой жизни сильно уставал. Спал, боясь опоздать, только с будильником. Мать жалела, показывая это излишнее внимание. Батя, понимая, почти не беспокоил с хозяйством. Но, очень любя «политику», по утрам, пока я завтракал, читал длинные лекции, в окончании обязательно высказывая своё мнение. Я видел, что в России всё меняется, а перемен без драки не бывает! Хотя свои заботы побеждали...

Вспомнив, что умел, и научившись тому, чего не знал, ближе к весне пришло понимание: обязательно нужно самому вызреть в хозяина. Стал немного больше откладывать денег на собственную лодку и мотор. В апреле, после очень удачного выхода, сдав рыбу довольному перекупу, мы сидели на тёплой деревянной лавке вдоль гаража.

– Валер, я вот чё думаю... Давай, наверное, до воды ещё поработаем, а после разбежимся. Мне кажется, вместе тесно становится...

Он, несколько не удивившись, сразу отреагировал:

– Вот правильно. Вижу: что-то не нравится, а молчишь... Так и надо в деле, созрел – отваливайся, свою дорогу топчи. – Он, словно огромный кот, вытянулся вдоль гаража. – Только давай не гадить друг другу. И наоборот, если что, помогать, всё же походили вместе!

– Валерка, да я... – Я немного растерялся, подбирая слова. – Да только свистни, если что...

– Да ладно, не сквози, посмотрим! – Он, сам скрывая чувства, закрыл глаза.

Двадцать пятого в гараж утром прибежал незнакомый пацан.

– Меня дядя Саня послал со льда. Мы на рыбалку шли, под Коровий, видим, кто-то руками машет. Повернули. Там, оказывается, утопленник оттаял. Наверное, Юрка, хоть и лица не видно, и руки ещё внизу, во льду. Но волосы светлые – точно он. Мне наказали вам сообщить и до Смородиных бежать, пускай идут узнавать. – Пацан выпросил сигарету, жадно прикурил и, увидев привыкшими к гаражным сумеркам глазами кучу рыбы, присвистнул: – Ого! Это вы на что столько взяли, где? – Он удивлённо развёл руками. – Я третий день выхожу, двух окуньков только достал.

– Давай иди отсюда, гонимый. Порыбачь с наше, научись... На вот ещё сигаретку и молчи громче, понял? – Пацан торжественно пообещал и побежал дальше.

...Труп вмёрз в лёд, словно поплавок, спиной вверх, с опущенными руками и ногами. Когда прибежал его брат, мы вместе аккуратно обдолбили вокруг лёд и переложили тело на брезент. Это был действительно Юрка. По крайней мере я, не говоря уже о брате, сразу узнал почти не изменившееся, только словно искусственно подкрашенное серой краской, лицо мужика. Все, затаив дыхание молчали, только Валька не сдерживая слёз, говорил:

– Вот и сапог его, дырку на голенище вместе вулканизировали. Куртка его давнишняя, ватники рабочие, свитер ещё от отца остался. – Он неожиданно опустил на колени и заплакал в голос, уже непонятно бубня...

Пришедшие позднее мужики приволокли большие сани, брезент с телом переложили на них, и почти все потянулись к берегу.

– Нужно быстрее, скоро тело оттаёт, сразу почернеет и опухнет. – Сосед Смородиных, Генка Окулин, со знанием дела упирался в хомут своих навозных саней. – Мать может не узнать, хотя она его, наверное, и без кожи узнает...

Процессия напряжённо молчала, и только Юркин брат, как заведённый, твердил одно и то же:

– Я ей скажу, я же узнал. Это точно он, точно. Утонул, не уехал гулять, утонул...

В этом, первом, удачном для меня, году мы снялись с фарватера тридцатого апреля. С поймы уходили в ночь на девятое мая. Судак, привлечённый тёплым солнцем, лез подо льдом в самую мель. Мы переставлялись из глубины, где лёд уже не держал, под берег на охотничьих лыжах без возможности их снять. Было неудобно, к тому же о разрушающемся лёде очень рвались сети, но игра стоила свеч! Если зимой одна ставка давала за проверку десять – пятнадцать килограммов, то сейчас это было минимум сто! И в основном пользующийся большим спросом у перекупов судак. Поэтому мы до последнего, по совершенно живому, едва державшему вес человека льду, загоняли изодранные сети обратно в воду. Но всё равно, рыба находила себе целую ячейку и висла в ней...

Мы почти не разговаривали, каждый зная своё место и задачу. После проверки таскали на себе мешки под берег, стараясь успеть до света, боясь быть замеченными. Из-под берега вывозили улов днём. По-разбойничьи подлетая к берегу на мотороллере, не глуша его, быстро закидывали мешки и, газуя, рвали в гараж крайней улицей. И только стаскав всё и закрыв изнутри ворота, позволяли себе немного расслабиться.

Сваленная в гараже на полиэтиленовую плёнку огромная куча рыбы вызывала какой-то хищнический, граничащий с безумием восторг, уверенность в исключительной своей вседозволенности, неподсудности.

– Вишь, как можно? Мне такое дело в сто раз приятнее, к душе! Решился, собрался, рискнул! И вот, пожалуйста, результат налицо... Не ходить, не доказывать властям держащим, что хочешь по-честному жить и работать... Они всё равно не позволят, в этом их масть. А если допустят, будешь всю жизнь в долгу, за свою же работу платить всем: начальнику, который наверху отчитывается, его заму, он эти отчёты пишет, нескольким замам ниже, за каждый шаг – объяснение письменное – или протокол в папку. И наконец, в самом низу – инспекция-причина! Этим плати всегда и за всё, не важно, есть разрешение или нет. Их эти земли и воды, они тут власть! И правда одна, – только такую эти волки проповедуют. – Он вдруг устало и совершенно равнодушно закончил. – Я же всегда за всё должен. Потому так мне проще, честнее. Ты теперь сам по себе будешь, значит, реши, как тебе правильной – и вперёд!

* * *

Наступили вынужденные выходные, именно в самое рыбное время. И вот тогда мне стало понятно основное неудобство того, что мы отгорожены от фарватера поймой. Шуга, представляющая собой разрушенный теплом лёд, совершенно не давала возможности работать. Чтобы было понятно, это примерно так: допустим, стоит забор, вдоль забора дорога. И если ветер зимой дует со стороны дороги – то за забором горы мягкого снега. Попал на дорогу, играй, прыгай, бегай, попал за забор – в снегу по горло, измучаешься, пока сто метров пройдёшь. Так вот пойма – это за забором, а фарватер дорога. Мы видели в бинокль за островами чистую воду, но добраться туда пока не могли. Нужен был обязательно сильный западный ветер, он бы вынес ледяную кашу за острова и очистил проходы. Конечно, солнце на отмелях быстро прогревало воду, образуя заливы, свободные от шуги. В эти прогалы, конечно, можно ставить сети, тем более рыба, торопясь отметать икру, «дуром» лезет в тёплую мель. Но поставив, нужно буквально караулить малейшее дуновение ветра, чтобы при начале движения льда успеть их снять. Если ледяная шуга наплзёт – никакой силой сеть не спасти. Поэтому такой рыбалкой занимаются обычно взрослые мужики, которым нажиться немного хочется, а рисковать по большой воде смысла нет, и деды. Мужики, серьёзно подвергаясь опасности, браконьерят в солдатских химзащитных неудобных костюмах, позволяющих заходить в воду по грудь.

Суетливые же дедки бродят в болотных сапогах совсем по колено в мели. Рыба у них тоже есть, а вероятность, упав, утонуть в огромном резиновом мешке, сведена к минимуму...

Я, пока появилась возможность, немного помотавшись по лодочным базам, купил хорошую лодку «Казанка-5» и два подвесных мотора «Вихрь-30». Старый дед, торгующий этой, сохранившейся словно только вчера из магазина, техникой, жалея её и ругая жизнь, утомительно лопотал, часто прижимая руку к груди и скрипя вставными челюстями: «Сволочи... Где глаза у людей, где уши? Они кого во власть затащили, перед кем башки свои склонили? – Видя, что я молчу и слушаю, он достал стеклянный флакончик и высыпав в ладонь таблетки, языком слизнул две, остальные ссыпал обратно. Повернув лицо на солнце, несколько секунд вкусно почмокав, выдохнул: – Ох и солнце! Это ж надо а, миллиарды лет светит и хоть бы что! Вечный двигатель, прости Господи. – И, не поддавшись благодати, продолжал уже жёстко и зло. – Я его по Свердловску помню, он там в семидесятые комиссарил. Так знаешь... Для него человек, который ниже рангом – вша. Может просто так, с похмелья, не разобравшись в сути, такой кипишь устроить, мама не горюй. Грозен был, что туча перед бурей, и всё партией прикрывался, целью строительства коммунизма... Бабу свою в чёрном теле держал: если где она слово против скажет, мог и тумачков надавать. Или из машины выпнуть – шлёпай, мол, домой пешком, думай, кто хозяин. А сейчас, – дед, сморщившись, прижал руку к груди, – ему власть дали. Власть. Над страной! Пропала Россия, пропала...»

Он устало присел, неторопливо расстёгивая куртку, потом, отдуваясь, широко махал её полами. Когда, наконец, немного успокоился, мы долго и тщательно писали на меня доверенность. Было странно, но старый требовал соблюсти все формальности: поставить до одной нужные подписи, числа. По окончании, после расчёта, достал из сумки начатую бутылку коньяку, из бардачка лодки две алюминиевые стопки, налил.

– Вот и всё. Понимаешь или не понимаешь, но это всё... Я теперь под жизнью черту подвожу, последнюю. Бабка в земле уже год, детей двое, взрослые. – Он вспомнил про рюмку и, пригласив меня взглядом, выпил. – И вдруг вот теперь, с последними событиями в стране, понял, что жил зря, – дед затрясся подбородком, скрипя зубами, – совершенно. Но ведь я и многие со мной жили, работали, рожали детей и верили, в будущее верили! А сейчас, знаю – ничего уже не будет. Дальше только вниз, в безвластие, в безвременье. И нет у меня сил на это смотреть. – Он ещё налил и выпил. – Потому – черта, ухожу. Детям всё перепишу, чтобы не загрызлись, и уйду. Как, пока не знаю, может, вон в гараже вскинусь, может, Бог поможет, сам отойду, по-тихому... А вы смотрите, вам жить. Но как я не завидую вашей будущей жизни, знал бы ты...

Подошла нанятая мной машина, и сам начальник базы с помощником, да я с Вадиком, водилой, загрузили и привязали лодку, спрятав моторы внутрь. Взволнованный и даже расстроенный дедовскими словами, хотел пожать ему руку и, возможно, немного успокоить. Но он уже стоял далеко в стороне, а увидев, что я его ишу, поднял в приветствии сжатую в кулак руку и что-то прокричал. Я тоже поднял руки, но, не найдя других слов, крикнул: «Держись, старый». Дед ещё секунду постоял, развернулся по-старчески полукругом и, ссутулясь, вышел за забор. Мне почему-то хотелось плакать...

* * *

Этой весной первый и последний раз видел, как бригада Гослова ставит искусственные нерестилища – огромные куски путаной лески крупного диаметра, навязанные на длинные фалы с пластмассовыми шарами-поплавками на грузах. Нерестилище растягивали вдоль берега, и весь период икромёта, от икры до малька, эти рыбные роддома находились в воде примерно в одном температурном режиме, что в десятки раз увеличивало производительность. По природе, рыба мечет и в мелком коряжнике, и на камыш, если он попадает в зону затопления,

и даже просто на дно, прогревшееся до определённой температуры. Но ввиду того что граница воды в водохранилище регулируется «умными людьми», перспектив у «натурального» икрёма почти нет. Допустим, отметала рыба икру на тёплом мелководье, а воду раз и спустили – икра посохла! Миллиарды мальков, если брать периметр всего водохранилища, погибли, не родившись, окрасив красной гнилью дно...

Но другое тоже не лучше! Встала вроде вода, прогрелась, и время пришло. Торопятся, мечут пузатые «мамки» вызревшие икринки! А следом вымет оплодотворяют истомившиеся самцы, поливая молоками. Теперь нужно всего несколько дней постоять воде в «одной поре», и проклюнутся из икринок мальки, и дадут прекрасные перспективы рыбакам! Только – нет, нужно какому-то хозяину баржу скорее пропихнуть – а море ещё мелкое! И закрывает рука неумного и жадного начальника шлюзы – огромные железные ворота – перекрывая ход воды, поднимается её уровень и, как следствие, гибнет икра, потеряв прогретую воду. Она же ещё не рыбка, умеющая переплыть в благоприятное место, она ещё зреет, находясь в полной зависимости от прихоти одного, хотя, возможно, и нескольких человек.

И никто ни за что не отвечает!

* * *

Вода открылась враз. С вечера ещё, сколько захватывал взгляд, пойма щетинилась шугой, а утром всё гладко и чисто. Хотя от берега до воды больше ста метров, но уровень, не останавливаясь, поднимался. На постоянно меняющейся прибрежной косе стали появляться браконьерские лодки, по возможности облегчённые, с убранными сиденьями... Весной тащить лодку до воды, постоянно проваливаясь по колено в оттаявшем глинистом дне, очень тяжело. В последующие годы, наученные первыми неудачами, мы стали вытаскивать лодки на отмели ещё по льду, не применяя особых физических затрат. Прицепишь её за «макарашку» или даже снегоход и, как нарты, тащишь, куда надо. В первый раз всё не так. На первую воду мне свою лодку предложил батя.

– Ты, конечно, купил хорошую, но сейчас не годную. До воды не дотащишь, да и посадка глубокая, намучаешься. Бери мою плоскодонку. Мне её двадцать лет назад Саня Малетин, кузнец наш, за двадцать пять рублей в огороде склепал. Она на вид неуклюжая, но в воде хорошо себя показала. Саня, дай Бог ему здоровья, – батя скупно перекрестился, – мастер настоящий! Не то, что теперь сын его, ротан...

Лодка, на вид напоминавшая игрушечный картонный пароход, какие мы клеили в школе на Первомайские праздники, только в несколько раз больше, хранилась за забором в огороде. Сходя с утра в совхозную столярку, договорился с парнями о помощи, «за немного посидеть». Вернувшись, не теряя времени, нашли с батей вёсла, кованный самодельный же якорь, похожий на маленький однолемешный плуг, выпилили сидушку из толстой сосновой доски. В пять часов пришли трое, согласившиеся немного понапрягаться «за градус». Малетин Юрка сразу узнал работу своего отца.

– Да, точно! Это он делал, конкретно помню. Я самолично ему за конфеты кувалду на клепы держал...

Лодку перекинули через забор и на плечах понесли к берегу. Тут началось самое трудное. Пройдя с разгона несколько метров от берега, враз по щиколотки провалились и встали, как четыре столба, прижатые к тому же сверху листом клёпаного железа. Теперь, чтобы идти, нужно было вырывать ноги из липкой, словно нагретый гудрон, глины и пытаться шагнуть, проваливаясь одной ногой и рвать другую. Не видя из-за лежащей на плечах лодки подельников, каждый рвался в удобную для себя сторону, думая уже о том, чтобы не упасть и не быть прижатым этим «неконкретным плавсредством». С берега, стараясь перекричать нас, надрываясь орал Латок, увидевший такое мероприятие и прибежавший помочь.

– Вы встаньте смирно, кони, остановитесь. На мой счёт враз старайтесь шагать, не вразброс. И тянитесь к морю, на хер вы каждый в свою сторону прёте – порвать дядь Санин самоклёп всё равно не получится!.. Давай, на счёт, пасти свои закройте, тогда меня слышно будет. – Он, дождавшись напряжённой тишины, начал считать: и раз, и раз, и раз!..

Первым не выдержал Салтык, самый здоровый и тяжёлый из нас.

– А где два, падла?! Ты счёт не знаешь или тебя со вчерашнего склинило? Я уже по яйца утонул, не вылезу без упора! – Салтык наклонился и попытался упереться в зыбкое дно свободной рукой. Лодка моментально повалилась в его сторону, и он надсадно взвыл. – Вы чё на меня её опускаете, обалдели, давай бросаем, пока не задавила...

Латок, находясь на безопасном от болота расстоянии, нас не понимал и уже, сорвав прокуранный голос, сипел, призывая «пацанов» к подвигу.

– Колёк, бросать нельзя! Она прилипнет к глине, никакой силой не оторвёте потом, пробуйте как-то: на карачках ползите. Ближе к воде легче будет, там дно с песком пойдёт, твёрже!

Но, оказывается, даже бросить плавсредство теперь было проблематично. Заходя, лодку для удобства держали на плечах, и сейчас провалившись, могли опустить её только в середину между тел, прижав бортами себя к глине, что в конце концов и произошло...

... Через полчаса из-под берега по очереди выползала толпа с ног до головы заляпанных глиной мужиков. Салтык и его напарник по пилораме Серёга не смогли вытащить из природной ловушки ноги, обутые в короткие резиновые сапоги. Поэтому они были сорваны с ног, а потом с трудом выковырены из грязи.

Я, понимая, как подставил добровольных помощников, сбегал до торгующей самогоном бабки Голубихи.

Поправившие нервы мужики уже через полчаса от души смеялись, вспоминая происшествие. Латок пил и веселился со всеми, но предусмотрительно молчал.

Лодку мы дотасили до воды назавтра рано утром вдвоём с батей, по застывшей за ночь глине.

Ночью с племянником растянули почти километр только появившихся диковинных лесковых сетей, прозванных «китайскими». Рыба ловилась – словно сдуревшая. Работа занимала всё время, спали только днём и то урывками. Перекупщики, увлечённые относительной дешёвой рыбы, лезли со всех сторон. Казалось, что такая свобода будет всегда. От каждой лодки из стоящих по всему берегу даже издали просматривались натоптанные за ночь хождения с добычей дороги. Инспекция спала, а возможно, ей хватало работы где-то там, в более спокойном месте.

Вода с каждым днём прибывала, постоянно сокращая береговой урез. Только однажды эта разбойничья и вольная жизнь прекратилась враз. Сначала пронеслась новость, что в ночь будет облава. Кто предупредил, точно не знали. Но на воду никто не вышел. Ночью по деревне действительно катался уазик, шарил ярким прожектором по берегу и замёрзшим на колах браконьерским плавсредствам. Утром из-за островов прибыли две большие лодки и целый день якорили пойму. Подцепленные сети, полные рыбы, накладывали горами и увозили в сторону кордона, где были входящие в воду длинные пирсы. Работающий на кордоне Толя Ушан рассказывал, кусая горький мундштук папиросы.

– Они там сети с рыбой просто на пирс валят. Потом проштрафившиеся рыбаки, кого с небольшим уловом взяли, их перебирают. Сети под присмотром жгут, но если хорошие, иногда рыбаки выкупают на свой страх, улов же перекупы сразу забирают. Так что очень выгодно сейчас в инспекции служить. И закон, если он ещё есть, соблюден, и деньга серьёзная карман греет. – Ушан гладко матерился и торопливо уходил на работу.

Мои сети тоже все сняли, и весенняя путина кончилась.

До уровня вода ещё не подошла, но в двадцатых числах мая нашли Серёгу Ордынского. Его, уже теряющее форму, тело вынесло с приливом на берег за деревней, примерно в кило-

метре от найденного тупа Юрки. Совсем молодая ещё жена, теперь уже вдова, опознала его по волосам и одежде. Похоронили рыбака в яркий солнечный день между молодыми зелёными берёзками в закрытом гробу, недалеко от ещё сырой Юркиной могилы.

* * *

Весенняя путина закончилась, летняя ещё не началась. Основная промысловая рыба, которой у нас за относительную дороговизну считается судак, икру отметала. Пошёл лещ, но его ловить сетями не очень удобно, да и не дорог в продаже. Хотя, по мне, лещ одна из самых вкусных наших пород рыб. Основные рыбаки «ушли в отпуска», и только любители «экслюзива» выставляют крупноячеистые сети в надежде достать леща килограммов на пять – семь или, ещё лучше, сазана побольше десяти... Выходить на моторах разрешено, но запросто можно влететь в меляк, вода ещё не закрыла перекааты, холмы и бугры первобытного ландшафта.

Я решил не рисковать и занимался пока подготовкой к «рыбалке по воде», готовил летние сети, ремонтировал моторы.

Как бы там ни было, но теперь я приобрёл статус независимого браконьера, но правильнее, рыбака. Вообще, человек, желающий и умеющий рыбачить и, следовательно, зарабатывать этим деньги, поставлен в ужасные кабальные условия. Об этом мне говорил Валерка, а сейчас я видел это всё сам. Каждый начальник, от которого хоть немного зависит судьба рыбака, требует что-то для себя. Примерно так: если у тебя лицензия и хорошая лодка с мотором – будь любезен несколько раз в сезон покатать по морю инспекторов с облавами. Значит, мне нужно будет исполнять обязанность инспектора. Следовательно, я буду ловить и наказывать тех, кем являюсь сам! И это норма! Обязательно раз, а то и два в месяц должен согласиться на любые протоколы о нарушениях, якобы выявленных инспектором, и сам же потом их оплатить. Причём протоколы должны оформляться на реальных людей, чтобы «комар носа не подточил!» Разрешительные документы должны быть всегда «на мази» – отчёты о выловленной рыбе, фактурки о сдачах и ещё, ещё... Поэтому многие, начинавшие карьеру «рыбака с лицензией», скоро её завершали и становились просто честным рыбаком!

Парадокс, но именно свободные рыбаки, читай, браконьеры, рискующие очень многим в такой работе, чаще ведут себя гораздо честнее и справедливее по отношению друг к другу и к природе...

* * *

Мужиков с кличками «Татарин» было трое, что даже для нас самих было очень неудобно. Но, словно заклятье, никакие другие «погоняла» к ним не липли. Промучившись в изобретательности и ничего не придумав, решили всё оставить, как есть. А запомнить, кто есть кто по номерам, – дело техники.

Первый, Серёга Татарин, худой и хитрый, начинающий издали, всё много раз просчитывающий и уверенный в своей правоте. Приехал откуда-то с севера, где, как он сам говорил, «поставил на всё и проиграл». Будет около нас всегда, иногда исчезая, но появляясь вновь, как раз тогда, когда его забывали. Видя выгоду, работы не боится, к тому же не белоручка.

Второй, дядя Ваня Татарин, тоже перекуп, но производственник. Этот никогда не покупал рыбу на перепродажу, он запускал её в полную переработку. Допустим, взяв весной сто килограммов окуня, он этого окуня потрошил. Молоки и икру очень грамотно и вкусно солил, саму рыбу тоже солил и сразу коптил. Потом лично, не доверяя придумку никому, на субботу и воскресенье ехал на процветающую и растущую, словно бесхозная городская помойка, барачолку и продавал с лотка эту свежую вкусноту. Причём икру с молоками предлагал намазанную

на кусочек чёрного хлеба, с рюмкой холодной водки. Отбоя от покупателей не было. Отторговавшись и отпочевав дома две ночи, уезжал, словно в командировку, на дачу, где полностью повторял процесс.

Дача у него была в захолустной деревушке, километрах в тридцати от нашего села, поднятая из тёплого, пятнадцатого бруса, небольшая, на капитальном фундаменте. Зато пристройки к ней были основательные, светлые, достаточно тёплые, чтобы работать круглый год. Летом она не прогревалась, сохраняя удобную для работы с рыбой температуру, зимой отапливалась небольшой компактной печкой, разбивающей помещение пополам. Командовала, правильнее заведовала, дачей местная женщина, на двадцать лет моложе дяди Вани. Была она красивая, но не совсем умная, жила с родителями. До Татарина её таскали по деревне на все гулянки, где были мужики. Она охотно ходила, никого и ничего не стесняясь. И скорее всего, так бы и пропала в загульном омуте, если бы её не заметил дядя Ваня. Через неделю уже знали, что Алка, прозванная за безотказность Подложкой, теперь баба Татарина. И знали, что он вроде даже обещал оторвать любому «жениха», если тот «любой» что-нибудь намекнёт Алке. Почему-то Татарину верили, по крайней мере, на праздники её приглашать перестали и обидной кличкой на народе больше не называли. Любила она дядю Ваню или боялась, непонятно, но стала жить в его доме, хозяйничать и помогать ему в работе. Через полгода у неё во рту появились новые белые зубы взамен потерянных в девичестве, и страшная китайская дублёрка. Сам Татарин словно помолодел, стал по-молодёжному стричься и курить вместо «Беломора» сигареты с фильтром. Называли его «Татарин два». Но был ещё «Татарин три».

Слышал я про него давно, даже от бати, но повстречал именно в первую свою весну, когда готовился к началу навигации. Надеюсь избежать ненужных конфликтов с ГИМСом, решил оформить своё плавсредство полностью на себя, без всяких доверенностей. Но, долго звонив по городскому телефону в гараже и услышав наконец похожий на первого хозяина лодки голос, был ошарашен.

– А деда Юры больше нет... Позавчера как похоронили... – Хозяин голоса подождал, какой эффект вызовут его слова, и, наверное, услышав, что хотел, сам продолжил: – Мы его на работу устроили: сиди спокойно сторожем в магазинном подвальчике, слушай новости... Нет, он за неделю работы семь бутылок коньяку выжрал. А как хозяин спросил за недостачу, сразу там же, в туалете, и рассчитался... с жизнью. На ремне своём, ещё солдатском, с толчка не вставая... А ты кто? Забыл спросить...

Я, по-настоящему расстроенный, рассказал, кто я и что.

– Во здорово, что позвонил. У него тут ещё всякой мишуры осталось, рыбацкой... Да и гараж железный на базе тоже нам не нужен... Посмотри, может, заберёшь – всё когда-нибудь пригодится в деле. И нам хорошо. Его-то хозяин счёт выставил за коньяк этот поганый. Какой-то «Наполеон», одна бутылка что десять наших водки! Возьми, мы в цене подвинемся, лишь бы с этим гадом рассчитаться, а отца нет больше...

Я обещал подумать и пошёл домой в совершенно подавленном состоянии. Мне действительно было жалко старого, растерявшегося в жизни человека.

Дома, на крыльце, рядом с улыбающимся батей, сидел смуглолицый мужик в расстёгнутой тёплой рубаше. В открытую щель мелькала неаккуратная толстополосая наколка, какие «били» рождённые в войну мужчины. Незнакомец поднялся навстречу и, перехватив взгляд, просто объяснил, пожимая руку и сначала назвавшись дядь Володей.

– Это память о детдомовском отрочестве. В пятнадцать лет ФЗУ окончил, и вот на выпускной... Нажрались браги, у ростовских товаров купленной, забрались в парке поглубже и в благодарность великому Сталину, вот... – Он расстегнул ещё одну пуговку и обнажил грудь. С левой стороны, сузив один видимый глаз, на меня смотрел совсем не похожий на отца народов уса́тый тип, жирно обведённый по контуру, но плохо ретушированный. Дядя Володя, уже не скрывая смеха, объяснял: – Когда поняли, что на намеченное не походит,

исправлять не стали. Но и имя писать глупо. Так вот решили, что это портрет моего отца, я же его всё равно плохо помнил. Вроде усатый был, а может и... кто знает. Мы шибко попали с матерью, когда эвакуировались. Мать совсем погубило, я ходить после взрывов не мог месяц. И потом вспоминал всё только с рассказов других... вроде и у меня так было. Ты как видишь, есть сходство?

Я, хоть тема и была серьёзная, но увлечённый их весёлым настроением, попытался скинуть с себя унылость.

– Есть, конечно. Не знаю, как ты на портрет, но портрет на тебя похож, явно родня, одно лицо!..

Мы пожали руки. Это был дядя Володя, «Татарин три», основной.

Застегнувшись, он присел на крыльцо, где у них была начата бутылка. Батя, продолжая улыбаться, высказал мысль.

– Ты вот у Володьки рыбалке поучись. Они с женой уже четвёртый год на острове живут, обживаются. И с рыбалки всех детей, да и родню кормят. Это не хухры-мухры какие.

В дальнейшем разговоре я узнал, что у них на неудобном, в стороне от нас острове, конкретная стоянка: дом на две комнаты, пристроенный плотный летник, где зимой намного теплее, чем на улице, а летом прохлада. Баня, рубленая из осины с общим паром, хорошая копильня и даже загончик для свиней.

– Да, как заимка в лесу у егеря с женой. Только не тайга кругом, а вода. Что лучше, каждый решает сам. Мне рядом с водой сподручнее, люблю.

Мы сразу решили, что прямо сейчас пойду с Татаринцом на остров, осмотрюсь, ознакомлюсь... И если ляжет на душу такая жизнь и работа – себе тоже налажу стоянку. Батя и новый знакомый в хмельном задоре обещали помочь...

Пока шли до берега, я узнал, что Татарин приезжал пенсию оформлять.

– Бабка-то моя моложе меня почти на пятнадцать лет! Совсем девчонкой её взял. Я в заводе уже мастером был, она пришла на практику. Влюбились, к себе в общагу её забрал. Потом дети, переезды, заботы. В общем, она у меня на хозяйку и не работала. А мне выслуги хватает, по горячей сетке иду. Можно бы ещё поработать, но сил отсюда уйти нет. Сначала в отпуск приезжали на базу от завода, обжились тут, привыкли. И в городе детям свободы больше. Так что, вперёд!

Он запустил свою двенадцатисильную «Москву», которая довольно скоро потянула нас на остров.

* * *

Тётя Люся была невысокой живой женщиной с явными остатками былой красоты, высокой грудью и рыжими волосами. Приветливо улыбаясь, она ловко подхватила фал, подтянула лодку, прибежав к берегу по мостику, крепко пожала мне руку. Я представился.

– Да, знаю, знаю. Дядя Саня рассказывал про тебя, когда мы к ним заходили. Скачи вверх, там ещё аборигены, знакомься. – Она заступила в лодку, уверенно обняла мужа, что-то негромко ему говоря.

«Аборигенами» оказались двое – невысокий худой человек в совсем поношенной, явно с чужого плеча, одежде, неестественно косо улыбающийся, и огромный кот, сидящий, словно копилка, у его ног.

– Олег. – Парень ещё радостнее заулыбался, протягивая в приветствии руку и сильно, до страшного закосил лицо, заметно борясь с болезненной судорогой, прижимающей голову к плечу.

Я представился, пожав холодную, неживую руку. Потом я узнал, что это был племянник дяди Володи, сын его сестры, которого в первый же его приезд на остров укусил клещ. Все

вокруг и, конечно, он сам, находясь в хмельной эйфории, внимания этому не придали: «клещ, он и в Африке клещ», тем более «едены этими тварями были все», как говорила тётя Люся. А температура с похмелья – вообще дело житейское. В общем, скрутило его в каральку через месяц, в городе... Врачи говорили, что вообще не выживет, но парень выжил и с явным параличом был выслан из городской квартиры сюда, как бы на реабилитацию. Того минимума действий, что он мог делать, хватало для жизни здесь, под присмотром дядьки с женой, которых он серьёзно называл: «папа, мама»!.. В городе он один совершенно терялся, мучился от своей болезни и очень её стеснялся.

Кот же, наоборот, был вызывающе невозмутим и, несмотря на своё несомненное «простокотство», по-барски дороден. Он тоже занимал свою нишу в жизни этих людей и наверняка считал, что это люди живут с ним, а не наоборот.

Поднявшийся Татарин пропихнул меня дальше, и пока он сам раздавал всем подарки, я с удовольствием рассматривал их заимку. Дом, конечно, был сделан частями из разного материала, но на одном фундаменте, роль которого выполняли три ряда пятнадцатого бруса из лиственницы. Для тепла фундамент был начат из небольшого котлована, поэтому пол внутри немного ниже наружного уровня земли. Сам же пол был просто утоптанной глиной, покрытой сверху брезентом.

Большой по квадратам, дом ровно разделён на спальню и столовую-кухню массивной кирпичной печью: с одной стороны – кухня-столовая, пройдя за печь – спальня с четырьмя постоянными спальными местами, столом и даже шкафом для одежды.

– Да тут по-мещански роскошно, – вспомнил я из классики. Вход в дом защищён плотной и тоже большой верандой.

Немного дальше, по самому берегу, почти над водой, стояла баня, рубленая «в хвост», но также из разного дерева. Подошедший Татарин, предвидя вопрос, объяснил:

– Вокруг поляны не было. Рубили из того, что росло тут, постепенно расчищая площадь. Зато не приходилось за лесом далеко ходить. И клали вперемешку, что по очереди срубили: сосна – так сосна, осина – так осина! Не до моды, для себя. Вон даже в окнах короткие венцы из берёзы, и шканты из неё кололи...

В сарай я не пошёл – давила настоящая зависть. Вот люди! Решились, сорвались и... живут, ни от кого не зависят, ни перед кем не отчитываются, без всяких социальных, чаще вымышленных, обязательств.

Татарин, возможно угадав мои мысли, предложил:

– Пойдём в дом, там Люся пожарать собрала. Ты сейчас попробуешь котлеты рыбы, именно какие они должны быть. Из поросё водного – сазана да леща. Сразу скажу: кто эту пищу пробовал, забыть не могут, ещё мечтают к нам попасть... И водочка. – Он, довольно улыбаясь, крепко потёр руки. – Очень кстати с котлетками. А вечером пойдём с тобой на рыбалку интересную и завидную, как охота!

За столом было весело. Татарин, выпив много, говорил, хвастаясь собой и хваля жену. Тётя Люся пила в разы меньше, подкладывала нам, действительно, необъяснимо вкусных рыбных котлет и, словно оценивая, довольно часто останавливала на мне взгляд зелёных, цвета тихого лесного озера, глаз. Во мне, благодаря выпитому, проснулось воровское желание прикоснуться к её сбитым в пучок волосам, шее, и даже просто к руке. Стало казаться, что в этой взрослой женщине вдруг всё прекрасно, всё к месту, как должно быть, как мне нравится... И осиплый от постоянной сырой прохлады голос, и чистое, без малейшего признака косметики, лицо, и маленькие красные ладошки с пальцами, не помнящими лака. Женщина, перехватив мой взгляд, спрятала руки под стол.

– Это от воды и постоянной работы. Леща или сазана чистить просто, а вот с судаком мука. Но это только весной, летом проще, рыбы гораздо меньше.

– Мы с мамкой несколько дней ножи не ложили, судака пололи... Папка по последнему льду его голу натаскал. – Олег, сильно криво улыбаясь, наконец, решился заговорить: – День лежем, пока солнце глеет, вечел солим и в поглеба плячем...

– Ты рот-то закрой, воронёнок. Чё раскаркался. – Татарин тяжёлой ладонью ударил по столу. – Кому интересно, что ты тут делаешь? – И, оправдывая возникшую неловкую тишину, предложил: – Лучше про кота своего любимого расскажи.

Парень вскинулся и радостно, торопливо, возможно боясь, что остановят, кривя рот и подстукивая от возбуждения сжатым в параличе кулаком между тарелок, затараторил:

– Мы на колдоне его взяли. Хозяин сказал, что кошечка, Ночкой назвали. Весной выпустили в лес и всё! Ни мышей, ни ящелиц, ни ещё какой мелкой животинки вокруг не стало, выловил всё. Даже жлать уже не хочет, а поболоть себя не может, давит и к двелям дома слаживает. Мамка лугается. – Он восхищённо, с любовью, взглянул на женщину. – Я собелу, в костле спалю, утлом опять лежат. Когда лыба пошла, ему вволю кишки и все отходы, он кабанеть стал и цветом меняться – челнеть. А как узнали, что это не кошка, а кот. – Он только теперь, но уже с явным раболепием взглянул на Татарина. – Папа его Млак назвал!

Олег, задохнувшись, замолчал, трясущейся рукой стёр набежавшую на левую, кривую, сторону рта слюну и, как бы ставя точку, показал на растянувшегося вдоль стены огромного кота – вот, глянь!

Кот, будто понимая, что разговор о нём, поднял голову и, посмотрев на нас, по-звериному зевнул и, уронив голову, опять уснул.

Ещё немного посидев, вышли на улицу. Хозяйка осталась в доме, Олега Татарин отправил растапливать баню.

– Сейчас свечерееет, мы с тобой на моей, специально для этого сделанной, лодке на пёхах по камышам пройдем, по мели. Попробуем сазанчика подарочного взять, завтра домой утянешь. И поговорим заодно. – Татарин шёл впереди по узкой, еле видимой в сумрачном лесу, тропинке. И не прекращал, будто с собой, разговор. – Когда в лодку встанем, поздно будет. Молчи сразу. Там есть ручей глубокий, через камыш, и в полукруг – словно озерцо, из ямки... Вот через эту щель заходят туда иногда и мамки кило по тридцать – сорок, насколько воды хватит для прохода! В том годе такого коня упустил, слов нет, не знаю – килограмм на полста, может мало меньше... Сейчас вода быстрее подходит, думаю, позволит глубина ручья пройти чему-то достойному! Только голоса не показывай и, как скажу, деревом стой, не шевелись...

Сумеречные комары плотной стеной падали на все незакрытые одеждой места. Я лицо намазал в три слоя разными репеллентами, но всё равно эти твари плотной стеной вышибали глаза и с каждым вздохом ныряли в нос и рот. Как будет дальше, я просто не представлял. Наконец дядя Володя остановился. Тропа уходила прямо в воду, а сбоку стояла лодка без вёсел, подтянутая на мель. Татарин обернулся.

– К бабе моей не лезь. Совсем. Или я пересмотрю наши отношения. Мне без неё никак. – Не дав времени на ответ, закончил сам. – Ты с правого борта пёхой, я слева. Стою немного раньше тебя, ближе к носу. Слушай каждое моё слово и, не отвечая, выполняй. Но старайся сильно не шевелиться, если можешь, вообще не шевелись, только руки чтоб работали. Если повезёт и встретим кого, решать, чем бить, буду сам. У меня две остроги. Одна до килограмм десяти-пятнадцати – просто проколол рыбу и держись, пока не уснёт! А вот вторая особенная: здесь зубья длиннее и покрепче, да верёвка к самой лопатке привязана. Тут главное ударить плотно и точно, а потом можешь отпустить ручку или даже обломить. Уже никуда не деться, какая бы здоровая ни была добыча, держи верёвочку и радуйся!

Он зашагнул в стоящую носом к воде лодку, подал мне мою пёху и, упёршись одной ногой, толкнулся другой вперёд. Я, ещё видя его в сумерках, повторял все движения. Лодка плавно сползла в воду и, встав по всей плоскости, влекомая напряжением, потихоньку поползла вперёд. Сам Татарин наклонился, что-то щёлкнув, засветил на носу лодки неяркий огонёк,

освещающий квадрат воды, повернувшись ко мне и завершая разговор, приложил указательный палец к губам, прошептал: «Теперь тихо. Слово скажешь – всё просрём».

Лодка, выпихнутая с мели, пошла легче. Татарин, еле заметно шевелившись, умудрялся как-то рулить, меняя направление движения. Я как мог аккуратно перебирал пёху руками и, упираясь с кормы, выдавливал лодку вперёд. Лицо болезненно горело, но непонятно: от комаров, роем кружившихся вокруг головы, или от мазей, которые от них спасали.

Вдруг Татарин замер. Он как-то рассчитанно присел, оставив свою пёху воткнутой в ил, правой рукой, не поворачиваясь, взял большую острогу, лежащую между нами, и поднял её над плечом.

Пытаясь понять, что его насторожило, напрягая зрение, я лупился в чёрную воду, но ничего не видел, кроме торчащих вокруг камышиных будыльев да полос тины, намытой прошлогодними штормами.

Неожиданно Татарин расщёлкнулся, как сработавшая пружина затвора ружья, не делая замаха, метнул острогу в воду, и только потом, хукнув, подпрыгнул в лодке!

За бортом вспенилась вода! Причём сразу под лодкой и метрах в двух в камышах. И только отбросив страх и сомнение, я понял, что это одна и та же рыба, но такая огромная. Татарин засветил фонарь и, перехватив привязанную к борту верёвку, обернулся ко мне и вдруг нерадостно пояснил:

– Обидно, не сазан... Щука под руку подлезла, а щучье мясо – не мясо... Хорошо, если икру не отметала, да и то нет, наверно, уже поздно, должна выметаться.

Он наконец подтянул добычу и, направив фонарик, присвистнул. На нас блестящими чёрными глазами уставилась из воды огромная, не меньше жеребёнка, голова, с ещё качающимися воду жабрами и огромным бревноподобным телом.

– Килограмм тридцать – тридцать пять! – Рыбак острогой, словно вилами, приподнял над водой голову, и мы вместе затянули тушу в лодку.

До стоянки тащили добычу на брезенте, не помещаясь на узкой тропе и подталкивая друг друга.

Тётя Люся тоже была не рада и сразу высказала нам, подкидывая для свету дров в костёр.

– Зачем тащили?! Кто обрадовался её жрать? – Она умело прошупала светлое брюхо рыбы. – Икры нет. Отдыхать в камыш забралась, пусть бы лежала...

Теперь вскипел Татарин.

– Я кот, что ли, ваш, в ночи видеть? Заволновалась сбоку, глубина позволяла, думал, сазанчик стоит, вот и сработал. Давай на куски порубим, в деревню утянет, если не есть – свиньям скормит, а голову на гербарий высушит...

* * *

В бане, разделив со мной полок и наказав Олегу, сидящему внизу на помывочной лавочке, поддавать по его приказу, Татарин вдруг разоткровенничался.

– Я здесь сам себе голова, один. Приплывали, правда, в том годе рыбнадзоры, вроде как с инспекцией. Главный у них Скотник Илья Иваныч, мастёвый, хозяином себя величает. Предлагал работать на него, мол, даже людей направлю, говорит, бумажку нарисую... Его шестёрки в лодке настрополились, а он за стол сел, развалился, пистолет в кобуре по ремню катает, улыбается. Только я тоже не из тухлых, обойдусь, говорю, без вашей помощи – и слово за меня есть кому сказать, и руку подать, если что... Короче, уплыл он, пригрозив, что я пожалею, сука... Зато, как в дом вошёл, обрадовался: Люся моя всю встречу его на мушке продержала из двустволочки через окно, а Олежка с топором за дверью стоял. Вот моя команда, гордусь! – Олег, услышав о себе, плеснул на печь взвару и подтвердил, чтобы я не сомневался.

– Мамка говолит, бели и стой калауль. Сама лужьё достала. Если что, мы бы им дали делов. – Он, в подтверждение слов, плеснул ещё...

– Ты там не бузуй, Олежа. – Татарин пригнулся от горячего пара и, растирая синюю грудь, продолжил мысль: – Чую, закон умирает. А люди, перестав закона бояться, совесть забыли. Теперь тут пострадать от таких, как я, гораздо проще, чем когда бы ни было. Думаю, сам скоро всё увидишь. Забыв коммунистическое – «всё наше», уверовали в капиталистическое – «всё моё»! А значит, теперь можно любыми средствами. И раздерут скоро и это море, и всю страну на куски: выловят, вырубят, выкопают, сколько смогут. А что не смогут – китайцам продадут. Те остатки через сито просеют и в добро превратят, да нам голодным и голым продадут. Так мы ещё за это драться друг с другом будем, сами себя съедая...

Я слушал Татарина, и неосознанный протест вскипал в душе, хотя понимал, о чём он говорит.

– Дак ты же сам так живёшь, дядь Вов. Олегу рот заткнул, а сколько рыбы нынче взял, как «своё личное»?

Олег, услышав своё имя, торопливо плеснул на каменку – мы инстинктивно пригнулись.

– Много, действительно много. – Теперь Татарин заговорил тише, но жёстче, стараясь понятней объяснить свою правду. – Думаю, тонны четыре с последнего льда натаскал, в погребках лета ждёт, открытия навигации. Но дели меньше пятёрки не протягиваю, мамок икрыных отпускаю, сети в море не топлю и самодельными нерестилищами всю округу здесь заставил. И бандитов гоняю. Тут ведь есть желающие даже электро-удочками рыбалить, или, ещё хлеще, шашками толовыми. Стараемся мешать беспределу. Есть нас несколько человек, которым интересно, чтобы всё продолжалось... А вообще, хорош, паримся, обсыхаем и домой тебя доброшу поутру...

Олег поддал целую шайку.

* * *

Утром Татарин быстро довёз меня до деревенской стороны. Шуку спрятали под берег, и, пообещав встретиться, Татарин пошёл обратно. Я, наоборот, – в деревню за техникой.

На следующий день, выдавшийся тихим и совсем летним, уговорив Лёху Латка в попутчики, мы на его лёгкой шпонке, захватив провизии и немного «для души», пошли по островам в поисках места под базу.

Лёха, как и его отец, носил фамилию Латков! Как-то он объяснял мне, откуда они вышли, в смысле их род, и что за фамилия за ними прописана...

– Предок мой золотоискателем был! Прадед ещё с Егором Лесным в тайгу ушёл, но там с ним разминулись и в 1830-м к артели Гаврилы Машарова прибился... А вскоре им фарт попёр, и золото Енисейское они пудами добывали! Долгое время старостой у Гаврилы был, золотишко лопатой грёб по кулям. Всех знаменитых золотоискателей знал, с Никифором Сюткиным, когда тот «большой треугольник» добыл, за руку здоровался! А ведь Никифор самый большой самородок добыл, весом в два с малым пуда – не хухры-мухры какие... Но только когда Машаров начал с ума сходить от богатств – стал дома стеклянные в тайге делать да ананасы в тех домах растить, ушёл он, не разделяя глупость бывшего компаньона. Так Гаврила ему в расчёт работы разрешил золота взять, сколь прадед понести сможет – во как! Сколь он взял точно, никто не узнал, но село, в котором он обосновался, выйдя из тайги, расцвело и церква там встала, как в самой Москве... А фамилия поначалу была Лотков – это корытце деревянное золото мыть. А уж потом, откуда в фамилии «а» впереди взялась, не знаю, да и знать не хочу!

Нам это тоже было неинтересно, но его всегда и везде величали Лёха Латок – и никак иначе!

Сегодня забравшийся в лодку мужик сразу отказался грести и, удобно усевшись на корме, обосновал:

– Ногами топтать туда-сюда ещё могу свободно, а вот вёслами – уволь, руки болят. Да и зачем тебе слушать, как мои суставы хрустят, лучше про батю своего расскажу, он и рыбак, и охотник был.

Лёха достал старый, затёртый до лоска кисет и, соорудив самокрутку в два раза больше «магазинной» сигареты, прикурил и, довольно пыхнув ароматным дымом, начал.

Оказывается, его отец работал в экспедициях по тайге – били трассы электролиний. И так за долгую практику натаскался, что удивлял своей точностью людей.

– А уж меня, салагу, подавно! Приедет на побывку после командировки, его уже жду – лодку прогудронил, сети заштопал, промыл и в мешки сложил. И вот выплываем посреде моря, я, конечно, на вёслах, он мне курс правит рукой. Вдруг стоп: встанет, по сторонам головой покрутит и бросает груз на перетяге. Сеть привяжет и опять же показывает, куда растягивать, я гребу, тоже пытаюсь ориентироваться. Растягиваем пятьдесят метров, – Латок докуривал, загнув окурочку о борт, бросал его в старую жестяную банку из-под монпансье и, спрятав её во внутренний карман, продолжал, – и это километрах в двух до ближайшего берега, чуешь?!

Он ещё раз восхищённо поднимает жёлтый от табака указательный палец, заражая и меня удалью рассказа.

– Тщательно, обязательно проверив на прочность узел, завязывает и, ещё раз осмотревшись, топчет груз! Я просто терялся. Вот, можешь себе представить, что иголку в стоге сена спрячь – как потом искать? Но нет... Уплываем домой, там дела всякие, заботы по хозяйству. Он всё проверяет, с меня спрашивает, а мне только в радость такое доверие. Старший в доме мужик, именно я, когда батя тайгу метит. Любое слово его слышу, каждый жест в память вклеиваю. Мне сто дней, а иногда и больше, хозяином быть!..

Лёха смущённо отвернулся, скребанул рукой по лицу, будто бы сбивая навязчивую муху, притворно прокашлявшись, продолжил:

– А через день повторим в этом же порядке. Плывём в лодке, я гребу, батя махрой дымит, что-нибудь рассказывает и, будто ненароком, огромной своей ладонью путь мне показывает. Неожиданно, словно опомнившись, хватает якорёк кованный или из крупной проволоки вязанный для ловли сети под водой, мы его сейчас «кошкой» называем и, ещё ругнув меня, мол, чуть не проспали, опускает в воду. И буквально десять, пускай, двадцать раз гребну – есть! Словно он эту сеть через воду видит, представь. Посреди моря, без всяких поплавков, вот глаз-алмаз был. Я без него раз так попробовал, без контрольного поплавка поставил, так три дня искал. Уже отчаявшись, случайно зацепил, но рыбу всю пришлось выбросить. Протухла.

А на охоту зимой ходил с одностволкой шестнадцатого калибра и два патрона только брал. Это, говорит, чтобы шансы с зайцем уравнивать. Встанет на лыжи и потянулся в лес – вжик-вжик, вжик-вжик, не торопясь. Следы читал, как в книге буквы. Найдёт свежий, взад-вперёд кружанёт – и прямо на лёжку наезжает. Поднимет зайца, ружьё скинет и ждёт, чтобы тот метров на двадцать – тридцать отпрыгал. Потом приложится, пук, будто не специально, заяц в кувырк. Он подойдёт, его в ветошь замотает, чтобы рюкзак не закрошил, и домой – вжик-вжик, вжик-вжик... Дома, пока я шкуру с добычи снимаю, он пустую гильзу зарядит, ружьё прочистит – и в шкаф, под ключик. А ключик над шкафом на гвоздик. И, словно для себя, объяснит: «Приеду, так всё должно и быть». То есть понимаешь, – Латок убеждённо наклонился ближе, – мне, позволяет, – бери! Только блюда порядок и честность!

Лёха замолчал и полез за кисетом. Мы подходили к острову, где я намечал основать базу.

Вечером, закончив все дела на острове, прокосив маленькой Лёхиной литовкой место будущей стоянки и примерно обозначив, что где будет, поскреблись домой. Попутный юго-западный ветер здорово помогал, и уже через полтора часа мы причалили к берегу. Здесь нас ждал чуть хмельной и весёлый Валерка с незнакомым мужиком, на новом узике.

– Знакомься, Киря, Иосиф, хороший мой давнишний знакомец, по делу подъехал, садись, послушаем.

Оказалось, мужик надеется брать у нас рыбу, но обязательно без прогулов, гарантированно и постоянно...

– Я почему хочу, чтобы была подстраховка, вдруг у одного не сработает, с тремя столовыми договорился – чтобы не проколоться! Причём забирать буду всю что есть, включая нелегкую мелочь, летом же её много! Не реже трёх раз в неделю, а по холоду, как договоримся, вам же можно будет копить. Я работаю, конечно, жена, дети. – Он неожиданно заулыбался и, подмигнув, хлопнул в ладоши. – А на личную жизнь не хватает!

Мне в принципе было всё равно, плотных договорённостей ни с кем не было, а то, что не каждый день, наоборот, удобно. Обозначившись в цене, хлопнули по рукам и, сев в машину, мужик добавил:

– Приработаюсь, помногу смогу брать, у меня прицеп есть! – Он махнул рукой, и машина поплыла в деревню.

* * *

Лето пролетело незаметно. Мы с Латком выбрали очень удачное место для стоянки, и он вдруг совершенно серьёзно предложил:

– Давай я здесь поошиваюсь, пока суть да дело. Палатка есть, отец всякого добра подобного натаскал, на первое время. Ты же, я понял, надолго хочешь обосноваться? А дома мать справится да если что, я рядом. Охота мне на вольных хлебах пожить, может, кровь отца проснулась.

В любом случае, помимо выбора рыбы и набора сетей, мы с ним соорудили удобный погреб для хранения улова и небольшие, пока чисто для себя, коптилки холодного и горячего копчения.

Если с коптилками, лично мне было всё более-менее понятно, то с погребом оказалось сложнее. Для погреба пришлось искать холм, чтобы углубиться в землю хотя бы на два метра. Уже потом, когда перекрывали выкопанную яму брёвнами, сделали высокое, около полуметра, творило, сверху закрывающееся досками. Получилась пустота, между самим погребом и поверхностью, которую для сохранения холода предполагалось заполнить мартовским плотным снегом. Если же сверху досок наваливалась солома, то снег, слежавшись в лёд, сохранял холод в погребе всё лето.

Домик собрали в деревне, с помощью бати, на самодельных деревянных полозьях. Он с удовольствием, любя свою столярную и плотницкую жизнь, помог соорудить каркас и заранее разметил места для лежанки, стола и печи, сам утеплил его новомодными, мягкими, как вата, материалами. Внутри обшили плотной фанерой, снаружи – лёгкой заборной жостью. Печь, сваренную из толстого железа и прикрученную за невысокие ножки к полу, предполагалось уже на месте обложить кирпичом.

– Можно и здесь, – рассуждал, довольный нашим изделием, отец, – но, пока по зимнику дотащите, всё поотвалится – зачем двойная работа?

Он тщательно, доверяя теперь только своему опыту, соорудил довольно широкий лежак, стол с двумя стульями и лавкой, прорубил над ним небольшое, но с форточкой окно, дверь и даже сладил в три ступеньки порожек, который также должен быть поставлен уже на месте.

Избушка получилась уютная и компактная.

– Я сам в такой фатере до зимы жить буду, до поры, пока на место доставим.

И действительно, иногда уходил туда, как говорил матери, картошку на скотском сале жарить, запах которого она не любила... Только оказалось, что там они собирались с дру-

зьями-соседями, играли в «шестьдесят шесть» и в «шубу с клином», спорили о политике и иногда даже пили горькую...

На стоянке мы разметили и прокопали траншею, по которой наш дом будет затянут на постоянное место. С трактористом, здоровым и отчаянным мужиком, прибежавшим в наш совхоз с женой и детьми из Казахстана, я договорился заранее, авансируя это дело рыбой.

Он, ковыряя в мешке и сам не веря словам, но пытаюсь меня убедить в их правдивости, прокуренно сипел:

– Я это дело сам люблю. Вот обживусь, отца сюда вытащу, дадим жару. И сети есть, и самолёвы, и вообще!..

Мы скоро договорились, что, как только постоит мороз, он за выданные до зимы, обговоренные пятьдесят килограммов разномастной рыбы и во время самой работы литр спирта, домчит по льду домик до места и запихнёт его на остров.

– Сорок-сорок пять сантимов лёд настынет, лови меня и – как на вертолётё прём, льда не касаясь траками!..

Он больно жал руку своей «клешнёй», хлопал дверцей видавшего виды ДТ без стекла и, по пояс высунувшись, трещал куда-нибудь на совхозные огороды, на которых уже совсем немного, но ещё работали люди, отчаянно сопротивляясь ветрам перемен.

Я этим ветрам не сопротивлялся и плыл по созданному ими течению.

* * *

С середины июня по середину августа – рыбалка не конкретная, а если год жаркий, тем более. В прогретой солнцем воде попавшая в сеть рыба засыпает моментально, и через три-четыре часа уже не пригодна в пищу, не говоря о транспортировке. К тому же короткие ночи и длинные дни сокращают время скрытой от посторонних глаз работы, что вынуждает уменьшать метраж сетей. В это время тем, кто в жару не отдыхает, очень поможет рыбалка по камышам на активного окуня. Но здесь важно набрасывать сеть буквально на камыш, что в разы увеличивает улов. Если рыбак поленился или поспешил, протянув сеть примерно в метре от окупёной «столовой», добычи намного меньше. Но опять же, из-за тёплой на мели воды нужно выставляться в шесть-семь вечера, а сниматься, собирать сети с уловом – с рассветом. Ближе к осени, с ночной прохладой рыба больше скатывается на увалы, вглубь, где вода, наоборот, тёплая, и крупный уже малёк играет на перекатах.

Плотно ставиться начал с конца августа. Если на острове управлялся Латок, то для работы на воде помощники постоянно менялись. Договорись с кем, немного объяснишь суть, поработает неделю-две – и всё. Или забухает, что чаще всего, или трудно очень – «не моё», или денег мало!

Володя Татарин говорил, что это хорошо, меньше конкурентов.

– Ты смотри, сколько сейчас народу освободилось. И не обязательно алкаши, кто-то и заработать пробует. Ты уже всё почти знаешь: с тем немного, с тем чуть-чуть, а в итоге – ни тому, ни другому. Но своё!

Спорить было трудно, тем более что у него самого почти постоянно появлялись новые и весьма потрёпанные люди. Они довольно активно начинали с ним рыбачить, почти не прячась и ничего не остерегаясь. Сети выставлялись километрами, рыбы набиралось центнерами. Помощники, подогретые палёной водкой, работали весело и дружно, подкупаемые его обещаниями. Сам же он занимался теперь только тем, что раз в день вывозил охлаждённую в погребе рыбу на берег, где единолично сдавал её своему перекупу. С берега привозил алкоголь, еду работникам, курево. Если попадались на сетях и сразу договориться на деньги с рыбадрозом не удавалось, то протоколы опять же составлялись на реальных людей, что было выгодно и рыбинспектору, и самому Татарину.

Обязательно через какое-то время, как везде, где есть общак, начинались споры, ругань и даже драки. Тут появлялись «нужные друзья» дяди Вовы с тётей Люсей, и недовольные постепенно «списывались» на берег с относительно хорошими, но в несколько раз меньше реально заработанных, деньгами. Некоторые уезжали в город по квартирам. Другие, возрадовавшись свободе, знакомясь с местными любителями тепла и вина, быстро пропивали накопленное. Побродив никому не нужными по берегам, они караулили Татарина, чтобы просить прощения в надежде быть взятыми обратно.

Тот, отмечая в человеке не выгодные для себя черты, кого-то не брал, кому-то обещал немного подумать, а кого возвращал сразу. И буквально через два-три месяца у него образовалась команда работников, которым, кроме бухануть и пожрать, ничего было не надо.

По его настоятельному желанию они обустроили небольшую заимку, примерно в километре, на низком берегу, плотно закрытом от воды камышом. И если вначале перебирали рыбу и накидывали сети на его стоянке, сейчас он приплывал к ним за уже сделанной работой.

Олег же, часто приходя к работникам по вертлявой тропинке через лес, выполнял роль безобидного «дурачка». Иногда приносил с собой немного выпить, а выпив, слёзно жаловался на родню. Потом долго, в полудрёме, сидел у костра, забытый занимающимися делами мужиками. Когда же о нём вспоминали, его уже не было, словно всё показалось с похмелья.

А хитрый дурачок, кривя в улыбке слюнявый рот, взахлёб рассказывал «папе», что о них думают работники...

В конце октября, по последней открытой воде, я помогал Татарину перевозить работников на «большую землю». К холодам их осталось четверо, и мы на двух лодках забрали всех зараз, вместе с гостинцами для города. Мужики были немного выпившие, в изношенной одежде, прокопчённые постоянными дымными кострами и жутко худые. Пришлось долго уговаривать водителя, не желавшего «этой вони» в автобусе, взять их. Но несколько копчёных лещей плюс немного денег его всё же успокоили, и вольная бригада расположилась на задней площадке пазика. Растроганные вниманием работники наперебой предлагали себя на следующий год, а, прощаясь с «другом Олежкой», не притворяясь, шмыгали носами...

На берегу, провожая Татарина на остров, я не выдержал:

– Дядь Вов, ты как этого не боишься, объясни... У каждого из них только штрафов, которых по твоим залётам выписаны сейчас больше, чем заработано. Болячек себе нажили. У Васи, этого высокого, нога чёрная, наверное, гангрена... И семьи у них там, даже дети есть, родители... если спросят?

Татарин загнал Олега в корму, достал из бардачка бутылку с винтовой пробкой, торопливо открыв, долгим глотком сосал содержимое.

– Эти не спросят. Эти не сумеют спросить. А обиду на меня за долгую зиму забудут. – Он ещё приложился к бутылке. – Вы, русские, любите забывать и прощать. И если живые и на свободе останутся, на тот год обязательно припрутся на вольные хлеба! – Он рывком оттолкнулся от берега и, повернувшись, уже кричал с отплывающей лодки, ткнув большим пальцем вверх, – а когда там придёт очередь ответ держать, – Татарин зло и фальшиво захохотал, – я уже придумаю, что сказать! Ты же прекращай слюнями брызгать, работой. Распустил сопли: спросят...

Мотор заглушил его последние слова, и лодка, разделяя стеклянную воду пополам, потянулась к островам.

* * *

Мне тоже нужно было заканчивать сезон и консервировать стоянку до зимы. В любой момент относительно благоприятная и довольно тёплая осень могла смениться морозом или, ещё хуже, ветром.

Природа постепенно засыпала. Дневное солнце прогревало ещё немного землю и лес, но вода выстывала, приходя к одному суточному значению. Лес замолчал, отяжелел и напрягся, готовый к длинной зимней спячке. Не стало насекомых, живых летом муравейников, онемели вдруг птицы. Пискнет какая для приличия и замолкает, застеснявшись своей несдержанности.

Но только рыбакам – время серьёзной работы. Рыба, набравшая за лето весу и жиру, сбивается в косяки на увалах, и можно при удачном раскладе зараз поймать недельную норму.

В воду бросаются все, часто совершенно не подготовленно, на абы каких плавсредствах, в надежде выловить свою «золотую рыбку». Вскоре пришлось с такими встретиться при неприятных, скорее, даже трагических обстоятельствах.

Я впервые увидел эту стоянку, когда вывозил «татарских» работников с острова. Две «Нивы» с прицепами, поставленные в полукруг две палатки, костровище. Под берегом – лодки с подвесным мотором и несколько мужиков. Таких диких бригад по берегам десятки, и почти никогда на них не обращают внимания...

Вчера мы с Ванькой, совсем ещё молоденьким парнишкой, моим новым временным помощником, сняли последние сети, закончив навигацию. Когда, гружённые ваннами с собранными в них вместе с рыбой сетями, возвращались домой, навстречу прошла лодка с тремя пассажирами. Они полукругом обошли нашу лодку и, увеличив скорость, направились к самому дальнему от берега и соответственно самому ближнему к фарватеру острову. Мы поспорили: кто это зимы не боится и, решив, что охотники на вечернюю зорьку, увлечённые работой, скоро про них забыли...

С ночи подуло. Поздней осенью, если занялся устойчивый ветер, по тяжёлой стылой воде, стихии долго не видно. Если же стали заметны по ребристому, словно по живому морю беляки-шапки пены на кончиках волн, дела задержавшихся на воде плохи.

Утром, по вчерашнему уговору, пришёл Ванька, и мы, взяв телегу, пошли на берег снять мотор и увезти всё снаряжение в гараж.

У лодки нас ждала испуганная женщина, с маленькой, казалось тоже испуганной, собачкой.

– Молодые люди, спасите нас! – Она, не сдерживая слёзы, говорила с горьким отчаянием, сбивая их на пытающееся лизать ей лицо животное. – У нас муж с друзьями на рыбалку уехали, обещали ночью вернуться... А сейчас уже полдень, вон шторм какой поднялся, мы не знаем, что делать! – Она снова плакала, вытирая лицо шерстью псинки.

Оказалось, они приехали отдохнуть откуда-то из-под Кемерово и собирались уже сегодня вечером обратно, но предварительно наловив рыбы.

– Мой муж в том году так делал, он специально отгулы на осень копит... Вот и друзей уговорил, и меня. Всё было хорошо, а сейчас – что-то не знаю...

Я согласился, но Ваньку с собой не взял.

– Вдруг у них мотор сломался, придётся всех на моей везти. Их трое, мотор не бросишь, шмотки.

Умный пацан понял, и, с трудом отгребшись, я запустил мотор.

Осенняя вода совершенно отличается от летней. Летом, по горячей воде, лодка словно летит, спокойно разбивая среднюю волну и легко перепрыгивая высокую. Сейчас же моя «Казанка», или, как её называют рыбаки, «коза», словно приклеенная «боронила» воду, с трудом вырываясь на глиссер, чтобы уже на следующей волне опять замедлиться, скрипя всеми клёпами и воя мотором.

Поняв, что если пойду на ветер, до фарватера придётся ползти час, чтобы ускориться, повернул вдоль волны, заметно усилив ход. Дойдя до первого острова, обошёл его подветренной стороной, а, выскочив в вал, снова повернул вдоль волны до следующего. Так, прыгая по закуткам, вышел на большую воду. Фарватер бесился. Ещё не мутные, огромные крылья волн поднимались над лодкой, угрожая, несомненно, утопить, но, на счастье, не рвались, а плавно

подныривали под дно, поднимая её на гребень, словно на вершину горы... Затем с такой же обречённой неотвратимостью бросали вниз, разгоняя до гулкого свиста. Стало страшно, но повернуть обратно было ещё страшнее и я, поминая Бога, держал курс на приближающийся остров.

...Мокрый, с красным обветренным лицом, полупьяный парень, торопливо рассказывал страшную, произошедшую ночью беду, показывая рукой на другую сторону острова, соскакивая с понятных слов на проклятья.

– Мы вечером пришли, тихо было, как в бассейне. Сети по увалу протянули и на берег подчалили. А кого там, пятьсот метров – и остров! Костёр быстро развели, тушёнку открыли и давай, да ещё одну, да ещё... Три флакона съели, четвёртый я не дал. А ночь-то, словно сажа, один костёр видно. Вот и не знаем, где сеть ставили. Решили до утра ждать, холодно, ещё выпили. Пригрелись у костра, ждём. Тут ветер понемногу задул, совсем промозгло стало, волна зашипела. Еле рассвета дождались... А у меня сапоги короткие, лодку отталкивать с берега. Вот они и решили без меня. Жди, говорят, мясо грей... Славка, он главный, и Мишаня тоже, они вместе работают. Я остался, они завелись, до поплавок дошли, сети подняли, вижу, как кино. Только, кто где – не пойму, но один на вёслах, придерживается, стоя в корме. Второй через носовой борт сети тащит. И вот, веришь, – он длинно, собирая разное в кучу, страшно и гадко заматерился, взвыл, упав лупя кулаками в песок, снова вскочил – рыбы тьма! Как специально, сплошная колбаса блестящая и идёт, и идёт. Минут через десять уже выше кормы стоят, на рыбе, видать. Я ору, чтобы отрезались, уже борт осел, словно они на воде танцуют. Но нет, Славка на сетях, он не бросит. И вижу, – он опять завыл, скаля страшно рот, – провалились они в воду. Сразу, как железные... были и нету. Я моргнуть не успел. И даже неплыли несколько, только нос лодки мелькнул и в волнах потерялся. И всё...

Мужик упал на колени и заплакал, продолжая мне объяснять, что теперь будет и как ему после этого жить. Потом он кричал, что не уедет отсюда: вдруг они как-то спаслись, только он не заметил. Потом ещё плакал и ругался. И лишь когда я стал отплывать, он вдруг присмирел, залез внутрь и сев на пол под стекло, затих...

...Через час на берегу взвыла молодая женщина, проклиная все рыбалки и всех рыбаков скопом...

Через три дня море в одну ночь встало под лёд. Как в сказке...

* * *

В ноябре снял маленькую дачу на четвёртой, дальней от моря, улице. Было очень неудобно, но ближе к берегу свободных домов просто не было. Хозяйка, часто прерывая быстрый разговор и промокая глаза платочком, жаловалась, не забывая по ходу дела научать:

– Мужа в августе инсульт стукнул. Любит, любил он выпить очень. – Она взглянула, понимаю ли. – Вот и доигрался. Я в город по делам – он вино в стакан до краёв. А чтобы мне по приезду удобнее врать, машину давай ковырять. Разобрал там что-то, прилёт на травке отдохнуть, а встать сам уже не смог. Так его и застала, на второй уже день, измаранного всего, и рот на сторону... мычит только... Баню на замок закрыть или пользоваться будешь? А то ремонтник там сделали, чтобы не повредить шибко.

– Закрывайте, баня у друзей есть, если что. – Я понимал, что спокойно вскрою замок при первой же надобности. – Мне перезимовать в тепле, да сараи, чтобы технику загнать, рыбу, может, похранить.

– Рыбка хорошо, и нам привози, как в город поедешь. Адрес я на тетрадке напишу, в столе. Дров сам заготовь, хозяин не успел, а теперь и не надо, наверное. – Она привычно потыкала глаза тряпочкой и назвала цену. Я, не торгуясь, согласился.

Дома стало жить неуютно. Батя, возможно замечая во мне что-то незнакомое, его не устраивающее, всё больше молчал. Мать скрытно и торопливо мне жаловалась:

– Злитесь он на твою эту жизнь, сынок. Всё не всерьёз, говорит, игриво. Да и телевизор этот смотрит, будь он не ладен, ругается на кого-то... и мне часто стало доставаться за вас всех!

* * *

Как-то получилось, что летом, работая не очень плотно, в торговле мне хватало Иосифа. Было удобно, что, приезжая за рыбой, перекуп намечал следующий день сделки и никогда не обманывал. Работал он на красивом, всегда чистом уазике, загружая рыбу только в прицеп. И хотя за весом следил тщательно, рыбу руками почти не трогал, объяснив свою позицию:

– Мне нужно здесь товар взять, там отдать. И руками её мять совсем неохота, лучше тебе переплачу.

Оказалось, он был преподавателем в институте или в техникуме, точно не узнавал. А почему он занялся непривычным для себя попутным бизнесом, скоро выяснилось.

Проверялся я каждый день, приезжал он два-три раза в неделю. И однажды, в конце ноября, приехал не один, а с молодой девушкой и, словно в перевес ему, живой и азартной.

Представил он её просто, поразив и заставив завидовать:

– Лада, Ладочка, жена моя. Захотела вот полюбопытствовать, где же это я зарабатываю денег ей на конфетки и бантики. И даже обещала, если поймёт стратегию, поучаствовать в бизнесе.

Она сразу стала интересоваться всем, словно заранее была уверена, что её Ёсика обманывают.

– А куда вы записываете свои сделки? Как потом сводите цифры, нельзя же всё в уме – вдруг какие споры, претензии?

Стараясь не показать, что она мне нравится, довольно жёстко ответил.

– До вас ни споров, ни претензий не возникало. Желание есть – пишите, мне не надо. Всё устраивает, а отчитываюсь только перед собой.

– Вам везёт. Однако для порядка я этим буду заниматься сама. Надеюсь, хуже не будет.

Я, уже злясь на Иосифа, взвесил рыбу и, составив ящики в прицеп, ждал, пока он отсчитывал деньги.

– А нельзя рассчитываться за эту партию при закупке последующей? Так же будет правильнее. – Она записывала цифры в маленький блокнотик, остановилась передо мной, красиво и кокетливо дую губки.

– Нет. Тут ценится «деньги – товар». И никак иначе... – Я застегнул карман, показав, что разговор окончен, но, тянув время, не уходил, наблюдая, как девушка легко и ловко, заманчиво улыбаясь, садится в машину.

Дома, пересчитывая прибыль и вспоминая ситуацию, не сдержался – чучело!.. Но какое всё же красивое, оставившее в душе волнующую растерянность.

Теперь, на зависть всем, несколько раз подряд за рыбой приезжала она сама. До смешного тщательно просматривала рыбу, тыкая в чешуйчатые тушки тонким пальчиком и палочкой приподнимая плотные жабры судаков. А я вдруг сам, накидывая рыбу в ящики, стал перепроверять товар, чтобы Иосиф был уверен в её компетенции, а, следовательно, отпустил одну. Совсем перестал торговаться, хотя осенью рыбаки поднимали цены. Сначала неосознанно, а потом уже специально после рыбалки сразу рвался домой и торопил помощников с выбором сетей. Дождаясь её, долго сортировал рыбу по размеру и названию, всяко пытаясь подольше затянуть нахождение девушки здесь. Лада разговаривала мало, вопросы задавала по делу, а ответы слушала внимательно, склонив голову и неотрывно смотря на собеседника...

Меня тянуло к девушке всё сильнее, хотя за её короткие приезды даже не успевали поговорить о чём-то, кроме дела, сейчас нас связывающего.

В начале декабря, в очередной приезд, она вдруг разоткровенничалась, медленно считая деньги и выкладывая по одной бумажке на стол.

– У мужа завтра день рождения, сорок лет! – И, не дав мне слова, продолжала: – Да, он на пятнадцать лет старше меня... И любит, говорит... И доверяет, говорит... А ещё у него жена бывшая и две дочки, которых он тоже любит. Потому завтра они будут у нас, по-другому никак... Только знаешь, как-то вдруг обидно, даже плакать хочется, будто бы на второй план меня отодвинул: потерпи, родная, мы тут поспразднуем! А ты уж, Лада, ладно, немного позже, время у тебя есть... – Она растерянно улыбнулась, положив последнюю купюру, подняла на меня мокрые глаза. – Вот как-то так...

Я, поняв, о чём она говорит, всё равно не смог сознаться, что тоже не один. Сразу оправдав себя за воровство, обнял её и, не найдя других слов, выдавил:

– Оставайся. Скажешь, рыбаков ждала. А утром уедешь засветло.

Она, прикрыв мне ладонью рот, покачала головой:

– Не ври себе, ты лучше, по-моему. И я приеду, потом, возможно, совсем скоро.

Лада легко шевельнула плечами, я опустил руки, и она неторопливо вышагнула за дверь.

* * *

Десятого декабря подвела техника. Ночью встал такой мороз, что большеколёсную «макарашку» не глушили, накрыв её с мотором брезентовой палаткой. Мотор работал, как часы, но, как всегда неожиданно, словно подавившись холодным бензином, заглох. И пока мы доставляли выбранные сети, масло в коробке замёрзло так, что было проблемно повернуть кикстартёр. Только появившийся в продаже китайский газ, в цветном алюминиевом баллоне, застыл, едва я достал его из внутреннего кармана. Торопясь, сделали факел, навернув рваную портянку на кусок отломанной от санок доски. И когда он лениво, будто смочен подсолнечным маслом, а не бензином, разгорелся, немного испуганный мой временный помощник, соседский Ванька, закричал: «Ура, ура, ура!»

Разогрев огнём коробку, с большим трудом смогли завести мотор. Застывшая техника, словно склеенная морозом, нехотя поехала, и я, боясь, что на малых оборотах мотор заглохнет, не сбавлял газ. Когда же, в отчаянии поминая Бога, вползли из-под берега в улицу деревни, онемевшего от холода тела я уже не чувствовал. Ванька, просидевший всю дорогу укрывшись в санях, чувствовал себя прекрасно, и я, попросив его разложить улов по местам, пошёл в дом, еле сдерживая крик от боли в застылых мышцах.

Раздеться сразу не смог и просто лежал посередине кухни. Минут через десять заломило простылые руки. Не в силах терпеть, выпил полстакана водки и натёр ей же руки, с трудом снял верхнюю одежду. Заправив печь, выпил ещё, что-то съел и, совсем хмелея, разжёг огонь. Поняв, что Ванька сегодня уже не зайдёт, дополз до дивана и, не раздеваясь, упал спать...

Утром ожидаемо болел, чувствуя, как тело то стынет, словно обложенное льдом, то горит, как в бане.

С трудом поднявшись, сглотил несколько таблеток из пакетика с надписью «от простуды», собранных мне по осени матерью, и, запив их чуть тёплой водой из чайника, снова лёг.

Потом снилась боль. Кто-то мне заламывал руки, выворачивая воспалённые суставы, кто-то скакал на груди, заставляя, давясь, кашлять, кто-то стучал чугунным кулаком по голове. И ещё что-то жуткое чиркало перед лицом зажигалкой, вгоняя в мозг искрящие сполохи. Я просыпался, плача от боли, и снова засыпал, боясь, что теперь уже навсегда...

Когда очнулся в очередной раз, надо мной стояла Лада. Не веря глазам, спросил об этом, но она молчала, трогая руками голову и грудь. Потом проглотил сладко-горькое питьё, ощущая лицом и телом тёплую влагу. Потом спал.

Проснулся от чьего-то присутствия в доме, уже не испытывая боли. Напротив стоял Ванька и обрадованно увидев, что я открыл глаза, торопливо заговорил:

– Ну, ты, дядька, даёшь!.. Я тоже промёрз, хотя не так, конечно. Мать из дома не пускала, говорит, что ты меня угробишь с этой рыбалкой... А я не думал, что ты так слёг, думаю, зайдёшь. А эта приехала вечером, говорит, ты совсем плох... попросила печь растопить да посидеть здесь, вдруг чё! Сама обещала вернуться сегодня, я ей рыбу-то свешал и сгрузил. В общем, ты вставай иногда, в печь подбрасывай, я дров натаскал много. А то пришёл, тут вода застыла... – Он, не дожидаясь ответа, оделся и вышел, по-хозяйски прижав дверь плечом.

С трудом встал: старый советский будильник показывал пять часов, но утра или вечера, не понимал. Слабость была такой, что, пройдя от дивана до кухни, вспотел, в руках совсем не чувствовались мышцы, а для вдоха нужно было делать усилие животом. Подложив дров в печь и выпив стакан чаю, снова лёг, не выключая свет. Теперь лежал, с надеждой прислушиваясь, ожидая именно её, не понимая, как это может произойти, но по-детски надеясь на чудо.

И чудо произошло! Сначала услышал шум подъезжающей машины, потом хлопнула дверца и застучали каблучки на крыльце. Я увидел гостью не такой, как в первый раз, взволновавшую меня, ни как во второй раз, когда неожиданно залюбовался ей, догадываясь, насколько она чужая, но теперь именно такой, какая мне нравилась и какую уже ждал.

Словно ребёнок, не веря, прикрыл глаза и слушал её движения, задерживая дыхание и замирая от счастья. Она, раздеваясь, прошла по комнате и наконец присела на край скрипнувшего дивана, положив прохладную руку мне на лоб и легко проведя по лицу, вздохнула:

– Всё хорошо! Ты выздоравливаешь!

Прятаться больше не было смысла и, открыв глаза неожиданно даже для себя, выдал:

– Нет!

Она, красиво и чуть грустно улыбнувшись, продолжила:

– Болеть нельзя. Если я не привезу рыбы, муж меня сюда больше не пустит. И мы с тобой не увидимся, и это плохо, – Лада неожиданно поцеловала меня, засыпав лицо волосами, отстранилась, торопливо собрав их в пучок под резинку, сразу вновь поцеловала долго и крепко.

Я, обняв её за шею и плечи, тянул к себе, а она, засмеявшись, легко и ловко выскользнула из объятий.

– Я именно за этим и приехала... Обещала же, когда тебя больного полотенцем протирали, приеду... и лягу к тебе, а ты выздоровеешь.

Лада, разбрасывая одежду, разделась и, уже откинув одеяло, вспомнила:

– Ой, свет погашу, стесняюсь, – пробежала к выключателю и, щёлкнув, теперь по-кошачьи, аккуратно перешла к дивану... – Ой, мокренький какой, слабый и совсем родной! Как увидела, поняла, что мой ты будешь, хоть и строжился, как настоящий. – Она тихо смеялась и прижималась сильнее.

Я не соображал, как себя вести от распирающего душу чувства, но это чувство и радовало, и пугало одновременно...

– Можно я тебя поцелую? – Мне вдруг показалось, что она не испытывает близкого моему чувства, но она, не думая секунды, откинула одеяло...

– Конечно, конечно любимый, здесь всё только твоё, всё... всё!..

Утром я, на удивление, чувствовал себя вполне нормально и, пока Лада спала, пошёл к Валерке. В утреннем мареве труба его дома дымила густо и сыто. Сам хозяин, по пояс голый, завтракал или, как я понял, ужинал.

– Только зашёл. – Он, предложив мне глазами угощаться, отхлёбывал из стакана густой чай. – До семи часов в гараже просидел. Сети пришлось снимать, удочки подцепили, при-

морозили, лошарики. Ума-то не хватило заморозку найти, отвязать... Придётся в ночь идти перебуриваться. – Он замолчал, ожидая теперь от меня ответа на «Что припёрся?».

– Валерка, дай в долг рыбы, перекуп приехал, а у меня пусто. Болел... Немного пройдёт, добегу на свои – отдам.

Он внимательно, с пониманием посмотрел на меня и наконец, решившись, поднялся.

Взвесив половину его улова, уточняя, спросил:

– Деньги отдать или должен буду?

Валерка опять иронично улыбнулся.

– Деньги давай. Своих-то у тебя пока нет, значит, у неё возмёмшь. А дам в долг, ей подаришь – не дело... И ещё. – Он неловко крякнул, обдумывая слова. – Зря ты так. Мы же с ним работаем. Он хоть и скользкий, но компаньон. А теперь как быть? И ещё, если уж честно... моё мнение такое: любовь – это беда вообще; воровская – подавно!

Я не слышал слов, беды же не видел совершенно.

* * *

Пришла весна. Страсть, увлечение, любовь – хоть как назови, – но это полностью меня раскатало. Чтобы встречи с Ладой были как можно чаще, нужна была рыба. Однако с середины января до середины апреля её нет совсем или она ловится мало, в основном на мели, в мелко-ячейные сети. Следовательно, это не совсем стандартный товар. Мне приходилось выборочно, себе в убыток, рыбу занимать.

И ладно ещё любовь, которая накрыла, как беспроглядный туман болото. Был сын, к которому вырывался обязательно два раза в месяц, и была женщина, упорно называющая себя моей женой. Отношения наши разладились совсем, поэтому дома я старался не ночевать. А если всё же оставался до вечера, то играл с сыном, и там же, в его комнате, ночевал на паласе.

После Нового года до апреля я, даже не прекращая рыбачить, задолжал без малого тонну. Кредиторы уже спрашивали, и хотя ситуацию понимали все, самому было неуютно. Теперь надежда была только на весенний лов, а ещё перспективнее – на икромёт. Но это уже не просто браконьерство, – это преступление, и наказание в разы жёстче.

Оказалось, что плотнее «поработать» весной думал не только я. Первым появился Валерка. Как обычно молча, словно предварительно договаривались, прошёл, оглядев комнату, вернулся в кухню и, расстегнувши куртку, сел.

– Что решил делать, болезный, или окончательно думалку потерял?

– Работать буду, не впервой. Если совсем прижмёт, помощи попрошу, поможешь?

Валерка, словно ждал именно этих слов, отреагировал:

– Я именно за этим и пришёл... слушай. – Он достал из кармана открытый шкалик и, налив немного в стакан, спрятал его обратно. – Браконьеров развелось, как лягушек в мелком болоте. У нас из четырёх серьёзных островов на трёх стоят. Ближний – Татарин со своей династией, на дальние даже смотреть не будем. А мы, как слепые котята, по пойме лазаем. И правильно, трудно в одного, сам знаешь, мы с фарватера и бежим!.. А там судак по последнему льду валом прёт, в мель как сдуревший лезет, где воды пятьдесят сантиметров. Можно за неделю несколько тонн взять. Но нужны люди, нужно место, чтобы «атас» пересидеть, техника – через острова переезжать по земле и техника по льду поймы проскочит до берега. Вот и смотри теперь. По пойме на моём будет можно попробовать, ещё какой каракан прикупить или в аренду взять, даже вместе с хозяином – пёс с ним. Через острова, по песку, на твоей «Планете», мешка по три-четыре ходка! На ставки будем пешком выходить, лёд совсем спокойно держит, до последу. А как просядет, снимаемся, на твоей стоянке всё бросаем и через пойму уходим. По хорошему раскладу ещё на этом берегу порыбалить успеем...

Я согласился с ним, и уже на следующий день мы начали превращать свой план в действие. И уже через два дня новое для нас дело началось!

...Костёр мы разводили прямо у стоянки. Ночью, не зная местности, а тем более в это рискованное весеннее время, к нам неожиданно кто-то подойти не мог. Днём же сами старались сильно не мелькать, по крайней мере пока ещё устойчиво держал лёд в пойме. Поздней весной, если кто из рыбнадзора работал, то только на свой страх и риск. А таких были единицы.

Мы, с согласившимися отработать эту весну «за нами» парнями, на ночь всегда оставались на острове. Во-первых, это позволяло больше отдыхать и, во-вторых, раньше приступать к работе. Лично я знал всех давно, но именно такие моменты, граничащие с неудобством и риском, позволяли более правильно раскрыть характер и суть каждого.

Кто знает, что такое ужин у костра со свежей ухой, двумя-тремя рюмками водки, обязательными бесконечными разговорами о самой рыбалке и о жизни вообще, меня поймёт. Тон задавал Скворец, попутно справляясь с готовкой ухи.

Появился он в деревне довольно давно, женившись на местной девчонке, однокласснице моей жены. Рыбалку и связанные с ней заботы любил самозабвенно и совершенно искренне. Мог налегке, в выходной, на попутках добраться сюда, за сто километров, чтобы, порыбачив «зорьку», днём снова, как получится, попадать домой. Сейчас, уговорив жену, он приехал сюда недельки на две... помочь вдовой теще! Браконьерил Скворец неохотно, объясняя это просто:

– Я такую рыбалку не люблю. Хапаешь, хапаешь и, кроме денег, никакой пользы. Даже кайфа от поклёвки не почухаешь, тоска. Вот из луночки судачка поднять кило на два-три – это да! Я бы ради такого двадцать вёрст пёхом прошёл...

Сразу отозвался Макар, муж сестры Скворцовской жены.

– А мне твоя поклёвка – мёртвому припарка, мне этих судаков тысячу надо! Дело своё хочу организовать, для начала бабла надо срубить. Потом, как поднимусь, удочка будет, закидушка. – Он прокуренно и громко смеялся, тыча изуродованной в драке не закрывающейся в кулак ладонью в другую ладонь.

Третий напарник, Веня, по прозвищу «Немец», словно ещё раз убеждая нас в своей жизненной позиции, монотонно повторил её, не повышая голоса, но непререкаемо убедительно:

– А мне азарт в кайф. Как в американском кино – и хлопнуть могут или сам залипнешь в майне, как волк в яме... И адреналин прёт, когда проскочишь через неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.